371
П-281

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

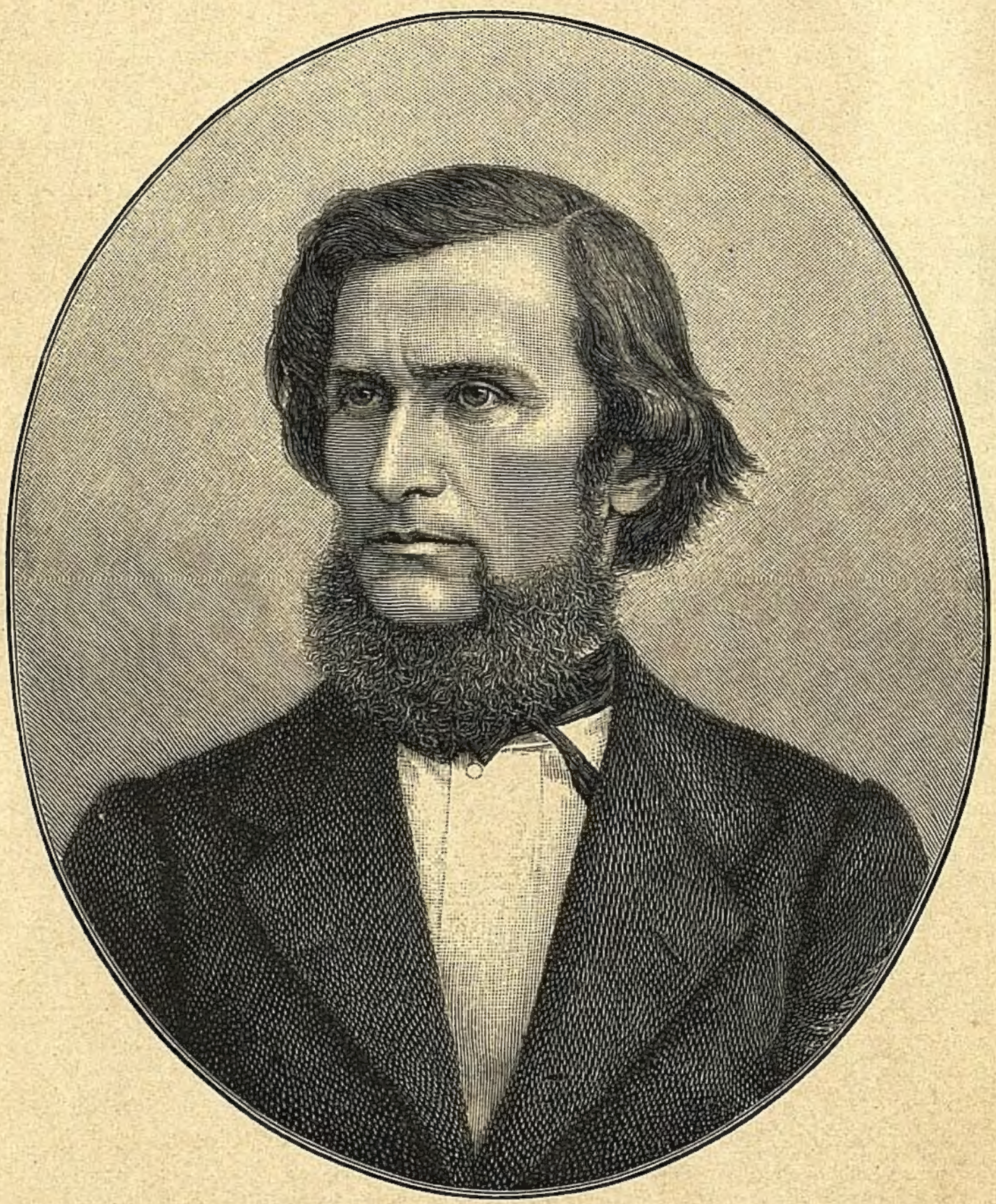
Кт

Зак. 4226. Утильцех 1-й Образцовой тип. Москва

Кт

Междуоколиоточный абонемент
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ. 18 марта 1893 г. Тип. тов. „Общ. польза“ К. Подъяч., 39



К. Д. Ушинскій.

ЭК
371
П281

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

К. Д. УШИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

19

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

20б

Съ портретомъ Ушинскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

203420

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Мая 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВСТУПЛЕНІЕ 5

I. **ОТЦОВСКІЙ ДОМЪ И ШКОЛА** 8
Извѣстность К. Д. Ушинскаго и неразработанность литературы о немъ. — Жизнь въ домѣ родителей до и послѣ смерти матери.— Новгородъ-сѣверская гимназія; ея хорошія и неудовлетворительныя стороны.—Самостоятельная работа юнаго Ушинскаго надъ собственнымъ развитіемъ и условія, благопріятствовавшія этому.

II. **УНИВЕРСИТЕТЪ** 18
Особенность 40-хъ годовъ и состояніе въ то время Московскаго университета.—Увлеченіе учащихъ и учащихся наукой; положеніе и роль Ушинскаго въ студенческой средѣ.—Наиболѣе благотворное вліяніе профессоровъ: П. Г. Рѣдкина и Грановскаго; ранняя, но прочная зрѣлость Ушинскаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій.

III. **ПЕРВЫЯ НЕУДАЧИ ВЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ** 23
Юный Ушинскій, какъ профессоръ Демидовскаго лицея; его успѣхъ и отставка.—Департаментская служба.—Тяжелыя матеріальныя условія и начало литературной дѣятельности; разнообразный писательскій талантъ.—Благопріятный поворотъ въ жизни К. Д. Ушинскаго.

IV. **НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УШИНСКАГО** . . 28
Крутой переломъ въ русскомъ обществѣ и возбужденіе вниманія къ педагогическимъ вопросамъ.—Увлеченіе Ушинскаго педагогическою дѣятельностью.—Первые русскіе педагогическіе журналы и воздѣйствіе Ушинскаго на русское общество путемъ печати.—Первый опытъ составленія книги для начальнаго обученія русскому языку.

V. **БЛЕСТЯЩІЙ УСПѢХЪ И ЖЕСТОКІЙ УДАРЪ** 33
Назначеніе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института.— Коренное преобразованіе института.—Педагогическій кружокъ Ушинскаго и его культурное значеніе въ дѣлѣ русскаго воспитанія и обученія вообще.—Апогей педагогической славы Ушинскаго и завистники.—Клеветническій доносъ и побѣдоносное отраженіе его.— Оставленіе Ушинскимъ должности инспектора.

VI. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 4
Редактированіе К. Д. Ушинскимъ «Журнала Минист. Народ. Просвѣщенія» и причины отказа отъ редакторства.—Пребываніе за-границей; сближеніе съ Н. И. Пироговымъ. — «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи»; значеніе его «Писемъ» для русскаго школьнаго дѣла.— «Родное слово», его особенности и значеніе.—«Педагогическая антропологія», какъ трудъ единственный въ педагогической литературѣ.— Особенное вниманіе и довѣріе къ Ушинскому.

VII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. 5
Изъятіе «Дѣтскаго Міра» изъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Ушинскій, какъ полемикъ.—Переѣздъ въ Петербургъ; непосредственное вліяніе Ушинскаго на столичную педагогическую среду.—Ушинскій, какъ центръ тяготѣнія педагогической дѣятельности въ Россіи.—Столкновеніе на университетскомъ диспутѣ.—Пребываніе на югѣ Россіи и сближеніе съ народными учителями.—Послѣдній ударъ жизни.

VIII. СМЕРТЬ И ГРОМКАЯ СЛАВА. 7
Кончина Ушинскаго.—У гроба и могилы его.—Чествованіе памяти Ушинскаго повсемѣстно въ Россіи. — Имя Ушинскаго—какъ имя народное.—Тайна замѣчательнаго успѣха Ушинскаго.—Вина русскаго общества передъ памятью Ушинскаго.—Предстоящее двадцатипятилѣтіе со дня его смерти.

ИСТОЧНИКИ.

1) «Русскіе педагогическіе дѣятели». И. Острогорскаго и Д. Семенов
2) «К. Д. Ушинскій», А. Фролкова.
3) «Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго монастыря» В. Лядова.
4) «К. Д. Ушинскій»—некрологъ Ю. Рехневскаго («Вѣстн. Европы» 1871 г., № 2).
5) «Матеріалы для біографіи К. Д. Ушинскаго». М. Чалаго («Н родн. школа», 1874 г. № 4) и мног. друг.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ у насъ, въ Россіи, какъ бы случайно, нежиданно открыли цѣлую область, почти совершенно невѣдомую раньше, или по крайней мѣрѣ не обращавшую на себя должнаго вниманія. Область эта—*педагогическая*, т. е. иначе—все учебно-воспитательное дѣло. Виновникомъ такого открытія былъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Конечно и до 50-хъ годовъ были въ Россіи школы всевозможныхъ категорій—низшія, среднія и высшія, въ которыхъ изъ года въ годъ обучались, въ общей сложности, *десятки тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ*. Но, строго говоря, въ обществѣ не ощущалось никакого интереса къ учебно-воспитательному дѣлу. Чему и какъ нужно учить подростающія поколѣнія? Можно ли воспитывать не обучая и слѣдуетъ ли обучать не воспитывая? Въ чемъ основная задача и цѣль воспитанія? Эти и множество другихъ, существенно важныхъ, вопросовъ казались тогдашнему русскому обществу такимъ же стороннимъ, далекимъ и чуждымъ дѣломъ, какъ и все то, что творилось въ канцеляріяхъ, управленіяхъ, консисторіяхъ и проч.

Въ то время въ Западной Европѣ педагогика имѣла уже значительное развитіе, представляя собою достаточно оформившуюся спеціальность, занимавшую самостоятельное и почетное мѣсто въ ряду другихъ спеціальностей. Въ организаціи учебно-воспитательнаго дѣла, въ установленіи учебныхъ курсовъ, программъ, плановъ преподаванія и въ выполненіи ихъ, а также въ инструкціяхъ и правилахъ, касающихся собственно воспитанія,—признавалось обязательнымъ сообразоваться не съ одними только правительственными желаніями, предположеніями и предначертаніями, но также и съ тѣми требованіями, какія предъявлялись педагогіею, какъ самостоятельною, спеціальною отраслью знанія, пользовавшеюся авторитетомъ наравнѣ съ высшими науками.

Совсѣмъ иное было въ Россіи въ указанную эпоху. Въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ невозможно было найти двухъ такихъ заведеній, преслѣдующихъ совершенно тождественныя цѣли, которыя походили бы другъ на друга по способу выполненія учебныхъ программъ и воспитательнымъ пріемамъ. Даже въ одномъ и томъ же заведеніи едва ли можно было встрѣтить двухъ лицъ педагогическаго персонала, согласныхъ между собою относительно способовъ обученія, а также и другихъ частностей учебно-воспитательнаго дѣла.

Такая разладица и рознь объясняются отсутствіемъ въ ту пору даже понятія о томъ, что въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ оно ни проявлялось, долженъ быть одинъ обязательный для всѣхъ критеріумъ—психологическая сторона учащихся, съ которою необходимо сообразоваться и при установленіи учебнаго курса и плана каждаго предмета, и въ способѣ преподаванія, и въ воздѣйствіи на умственныя способности и нравственное чувство учащихся. Вмѣсто спеціальной педагогической подготовки, признавалось достаточнымъ личнаго опыта, навыка учащихъ, безъ всякой руководящей идеи въ отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія,—безъ знакомства съ основами этого дѣла.

Не отрицая, что и въ указанную эпоху, въ видѣ исключенія, встрѣчались между дѣятелями по учебно-воспитательной части лица глубоко-образованныя, горячо-преданныя дѣлу и оказывавшія благотворнѣйшее вліяніе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи на воспитываемыя ими поколѣнія,—въ общемъ однако все наше учебно-воспитательное дѣло представляло анахронизмъ. Учебныя программы и руководства отличались безсодержательнѣйшей схоластикой. Прохожденіе программъ держалось на зубристикѣ. Въ обращеніи съ учащимися царила жестокость. Время ученія было временемъ безутѣшнаго горя для дѣтей, особенно же въ младшихъ классахъ.

К. Д. Ушинскій длиннымъ рядомъ горячихъ, дѣльныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, заставилъ всю русскую печать обратить серьезное вниманіе на положеніе родного нашего учебно-воспитательнаго дѣла. Въ обществѣ проснулся наконецъ хоть нѣкоторый интересъ къ нему,—и въ этомъ страшно-застоявшемся дѣлѣ проявилась живая струя.

Такъ произошло открытіе невѣдомой раньше у насъ педагогической области. Открывъ ее, К. Д. Ушинскій около 15-ти лѣтъ руководилъ и самою разработкою этой области. Въ это именно время и были посѣяны на Руси всѣ тѣ здравыя понятія, которыми до сихъ поръ живетъ и держится вся наша учебно-воспитательная часть, продолжая, хоть и очень медленно, развиваться.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ со времени смерти Ушинскаго. За это время произошли довольно существенныя измѣненія въ «живой струѣ» — и въ степени энергіи ея, и въ направленіи. Вмѣсто цѣльнаго, мощнаго потока, — какъ можно назвать педагогическое движеніе въ Россіи, пока жилъ Ушинскій и въ первые годы послѣ его смерти,—мы видимъ множество мелкихъ руслъ, не всегда даже согласующихся въ своемъ направленіи съ основнымъ потокомъ. Но въ общемъ однако движеніе не прекращается.

О характерѣ же этого движенія съ наибольшей правильностью можно судить по нашей довольно обширной педагогической литературѣ, сущность которой такова, что въ отношеніи къ ней съ полнымъ правомъ можно повторить слѣдующія слова извѣстнаго нѣмецкаго педагога Дистервега, сказанныя имъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ:

«Посмотрите на бо́льшую часть сочиненій, написанныхъ учителями и для учителей! Наполняется ли, согрѣвается ли чье-нибудь сердце при этомъ обзорѣ? Кто можетъ извлечь изъ него силу для своей мысли, одушевленіе для важнаго подвига? Найдетъ ли кто нибудь въ нихъ дыханіе жизни, самостоятельный образъ мыслей и энергію? Переходятъ ли ихъ мнѣнія въ убѣжденія, убѣжденія въ дѣла, и вытекаютъ ли ихъ воззрѣнія изъ фактовъ? Это по большей части холодныя, безсмысленныя груды печатной бумаги, — и слогъ такой, что нечему удивляться, если люди, которые живутъ и почерпаютъ жизнь изъ свѣжихъ источниковъ живой литературы, видятъ въ учителяхъ заживо похороненныхъ людей, осужденныхъ питаться такими продуктами, которые ни для кого болѣе не пригодны».

И если въ нашихъ педагогическихъ сумеркахъ чувствуется проблескъ живой мысли, общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и стремленій хотя къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ немъ,—этимъ мы обязаны Ушинскому. Онъ изъ-за гроба продолжаетъ учить насъ и долго еще будетъ поучать.

Константинъ Дмитріевичъ безспорно принадлежитъ къ числу первоклассныхъ педагогическихъ дѣятелей не въ русскомъ только, но и въ общеевропейскомъ смыслѣ. Если заграничные педагоги почти совсѣмъ не знакомы съ дѣятельностью Ушинскаго, то именно потому, что, къ несчастію, и у насъ не настало еще время для полной, всесторонней оцѣнки значенія педагогической дѣятельности Ушинскаго, въ связи съ обстоятельствами и условіями положенія школьнаго дѣла въ Россіи, а также—и разными другими дѣлами внутренней нашей жизни.

I.

Отцовскій домъ и школа.

Извѣстность К. Д. Ушинскаго и неразработанность литературы о немъ.—Жизнь въ домѣ родителей до и послѣ смерти матери.—Новгородъ-сѣверская гимназія; ея хорошія и неудовлетворительныя стороны.—Самостоятельная работа юнаго Ушинскаго надъ собственнымъ развитіемъ и условія, благопріятствовавшія этому.

Имя Константина Дмитріевича Ушинскаго хорошо извѣстно не только всей образованной Россіи, но даже и всѣмъ мало-мальски грамотнымъ русскимъ людямъ. Между тѣмъ обстоятельства жизни этого великаго русскаго дѣятеля, оказавшаго незабвенную услугу всему нашему школьному дѣлу, еще не приведены въ извѣстность съ той полнотою, какой требуетъ самый характеръ его дѣятельности и ея значеніе не только въ настоящее время, но и для отдаленныхъ русскихъ поколѣній.

До сихъ поръ, напримѣръ, остаются въ неизвѣстности замѣтки, помѣщенныя Ушинскимъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ газетахъ, безъ его подписи. Послѣ смерти его осталось много рукописей и корректурныхъ оттисковъ статей, не появившихся въ свѣтъ; но этотъ интересный матеріалъ еще не собранъ, не обработанъ. Точно также не собраны, не разработаны и письма покойнаго къ разнымъ выдающимся педагогическимъ дѣятелямъ русскимъ и иностраннымъ.

Это—непростительное нерадѣніе со стороны русскаго общества, такъ много обязаннаго К. Д. Ушинскому, создавшему разумную русскую школу. Чтобы загладить этотъ тяжкій грѣхъ, необходимо устроить особый музей, спеціально посвященный К. Д. Ушинскому. Въ немъ должны быть собраны: всѣ его руководства во всѣхъ видахъ изданія; все, что вышло изъ подъ его пера, въ видѣ оконченныхъ или неоконченныхъ статей и писемъ; все, что написано объ Ушинскомъ и появится о немъ въ печати впослѣдствіи, а также его портреты, фотографіи и проч. Съ осуществленіемъ этого полезнаго дѣла необходимо поторопиться, пока живы еще хоть нѣкоторые изъ тѣхъ, съ кѣмъ Ушинскому приходилось работать, пока не изгладились еще слѣды тѣхъ изданій, въ которыхъ онъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, или-же просто помѣщалъ статьи, отвѣчающія интересу минуты. Конечно, такому музею лучше всего быть въ Петербургѣ, какъ мѣстѣ полнаго расцвѣта педагогической дѣятельности Ушинскаго. Началомъ для музея могло бы слу-

жить то немногое, что имѣется въ библіотекѣ столичной училищной коммисіи. Понятно, это—лишь зародышъ музея; но важно положить починъ—и за продолженіемъ остановки не будетъ. Музей Ушинскаго будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ музеемъ новѣйшей исторіи педагогическаго дѣла въ Россіи. Потребность же въ этомъ учрежденіи очень велика и на нее безъ сомнѣнія откликнутся всѣ, кому дороги судьбы роднаго воспитанія и обученія. Приступая къ характеристикѣ К. Д. Ушинскаго, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, помимо матеріаловъ, указанныхъ въ началѣ очерка, намъ помогало въ этомъ случаѣ также и нѣкоторое личное знакомство съ покойнымъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ пишущему эти строки случалось неоднократно встрѣчаться съ Ушинскимъ въ редакціи «Голоса», у барона М. О. Косинскаго, а также и въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ котораго былъ Константинъ Дмитріевичъ.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ древняго рода. Отецъ его, Дмитрій Григорьевичъ, былъ человѣкъ образованный для своего времени; онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, т. е. лучшемъ по тому времени среднемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Сначала состоялъ въ военной службѣ и принималъ участіе въ войнѣ 1812 года. Потомъ вышелъ въ отставку, поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи, и зажилъ мирной обывательской жизнью, вступивъ въ бракъ съ дочерью мѣстнаго капиталиста, урожденной Капнистъ.

Отъ этого брака, въ 1824 году, родился Константинъ Дмитріевичъ. Ласково приняла его жизнь. Ни строгихъ взысканій, ни домашнихъ дрязгъ, ни нужды не испыталъ онъ въ дѣтствѣ. Не велико было состояніе его отца, заключавшееся въ сотнѣ десятинъ земли и 30-ти крѣпостныхъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ самымъ виднымъ лицомъ среди новгородъ-сѣверскихъ дворянъ, какъ по уровню образованія, такъ и по складу домашней жизни. Объ этомъ между прочимъ, можно судить уже потому, что у него была хорошая библіотека, имъ самимъ составленная.

Усадьба Дмитрія Григорьевича примыкала къ городской чертѣ. Домъ его, устроенный на широкую барскую ногу, находился на окраинѣ города, на высокомъ берегу Десны, откуда открывалась роскошная панорама на много верстъ кругомъ. Привольно размѣщалась тамъ барская усадьба, съ ея разнообразными постройками, большимъ дворомъ и прекраснымъ фруктовымъ садомъ.

Особенно счастливо провелъ маленькій Ушинскій первыя один-

надцать лѣтъ своего дѣтства, пока была жива его мать. О ней онъ сохранилъ на всю свою жизнь трогательно-нѣжныя воспоминанія. Есть полное основаніе полагать, что мать сама руководила первоначальными его занятіями и съумѣла вложить при этомъ въ сына замѣчательно прочные задатки именно воспитывающаго обученія, давъ ему прекрасное направленіе въ этомъ отношеніи, пробудивъ въ немъ любознательность и пытливость, любовь къ чтенію. Библіотека-же отца представляла широкую возможность къ этому, и любознательный мальчикъ съ малыхъ лѣтъ свободно пользовался ею. О вліяніи матери его, какъ воспитательницы, можно судить между прочимъ и по той высокой и почетной роли, которую впослѣдствіи отводилъ Ушинскій женщинѣ вообще и матери въ особенности, какъ учительницѣ дѣтей.

Отецъ Ушинскаго, овдовѣвъ въ 1835 году, вступилъ во второй бракъ съ урожденною Гербель, сестрою генерала Гербеля, управлявшаго Шостенскимъ пороховымъ заводомъ. Это еще болѣе расширило и безъ того довольно значительныя родственныя связи Дмитрія Григорьевича. Въ 1840 году онъ занялъ должность уѣзднаго судьи въ Новгородъ-Сѣверскѣ и пользовался въ мѣстномъ населеніи большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, нелицепріятный, безкорыстный.

Какъ ни значительна была перемѣна, происшедшая въ семьѣ маленькаго Ушинскаго, она однако не отразилась на немъ неблагопріятными послѣдствіями. Вскорѣ послѣ смерти матери онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію и былъ такъ удовлетворительно приготовленъ, что выдержалъ экзаменъ прямо въ третій классъ. Судя по той горячей любви, съ которою Ушинскій вспоминалъ всегда о своей семьѣ, судя по его вѣрѣ въ благотворное вліяніе на ребенка семьи,—можно съ увѣренностью сказать, что въ лицѣ мачихи онъ нашелъ друга, замѣнившаго ему мать. Тотъ идиллическій взглядъ на семью, который Ушинскій сохранилъ до смерти, несомнѣнно былъ почерпнутъ имъ въ своей родной семьѣ.

Отцовскій хуторъ и гимназія находились на противуположныхъ концахъ Новгородъ-Сѣверска; ихъ отдѣляло разстояніе не менѣе 4 верстъ. Но, съ первыхъ-же дней поступленія въ гимназію и до окончанія ея, Ушинскій обязательно пѣшкомъ совершалъ этотъ путь, въ сложности около 8-ми верстъ. Ему чрезвычайно нравилась дорога по крутому, живописному берегу Десны, черезъ громадный оврагъ, отдѣлявшій хуторъ отъ города. Отправляясь въ гимназію, онъ обыкновенно такъ торопился, что не всегда даже успѣвалъ напиться дома чаю и закусить. Наоборотъ-же, если не-

погодь, распутица, жестокій холодъ или другія какія-либо обстоятельства удерживали его въ городѣ на нѣсколько сутокъ, —онъ до слезъ тосковалъ о своемъ хуторѣ.

Любилъ также Ушинскій и свою гимназію, любилъ товарищей. Въ III-мъ классѣ, куда поступилъ одиннадцатилѣтній Костя, какъ на подборъ были великовозрастные, притомъ преимущественно изъ среды малосостоятельной, не дворянскаго происхожденія. Это однако не помѣшало мальчику-Ушинскому сблизиться со своими товарищами, бывшими уже въ юношескомъ возрастѣ. Вскорѣ онъ такъ полюбилъ ихъ, что за удовольствіе считалъ бывать у нихъ Если ему случалось не успѣть дома позавтракать,—онъ забѣгалъ по пути къ своимъ бѣднякамъ-товарищамъ, радушно дѣлившимъ съ нимъ свою скудную хлѣбъ-соль. Бѣдная обстановка большинства товарищей, ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнія и привычки были своего рода новой школой для Ушинскаго. И эти уроки очень пригодились ему впослѣдствіи, въ пору студенчества.

Съ точки зрѣнія нынѣшняго педантичнаго педагогическаго шаблона, направленнаго къ тому, чтобы взвѣсить, измѣрить и высчитать каждый шагъ, каждое движеніе учащагося, — можно придти въ ужасъ отъ тѣхъ порядковъ, которые царили въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Между тѣмъ, по тогдашнему времени, гимназія эта считалась одною изъ лучшихъ, да и въ дѣйствительности была не дурна, если судить о ней не по внѣшнимъ только признакамъ, а по окончательнымъ результатамъ гимназическаго образованія,—по тому направленію и нравственной закваскѣ, которую она давала своимъ питомцамъ.

Сначала—о внѣшней сторонѣ гимназической жизни.

Въ новгородъ-сѣверской гимназіи, когда обучался въ ней Ушинскій, не было даже намека на то, что называется воспитательной частью, воспитательнымъ дозоромъ. Интерната при гимназіи не существовало. Учащіеся, въ количествѣ около 400 человѣкъ, жили въ городѣ, гдѣ кто желалъ. Находясь подъ нѣкоторымъ надзоромъ въ стѣнахъ гимназіи, во время уроковъ, учащіеся внѣ гимназіи были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Это давало широкій просторъ тому, что называется «школьничаньемъ», которое принимало иногда и не совсѣмъ симпатичный характеръ.

По сосѣдству, напримѣръ, съ гимназіей былъ большой фруктовый садъ. Забираясь туда цѣлыми толпами, гимназисты производили порою въ немъ большія опустошенія. Когда-же разливались по сосѣдству съ монастыремъ большія лужи, гимназисты устраивали на нихъ цѣлыя флотиліи, сооружая плоты изъ досокъ монастырской

ограды. Словомъ, сосѣдство гимназіи съ мирной монашеской обителью было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно для послѣдней, и монашествующей братіи частенько приходилось быть въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ шаловливыми и свободолюбивыми школярами.

Ученики постарше и классами, и годами имѣли иного рода развлеченія. Ихъ любимымъ притономъ была слободка, находившаяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ, славившаяся веселыми нравами обитателей и не особенной строгостью поведенія обитательницъ. Съ наступленіемъ-же весны и во все время, пока не замирала природа, гимназисты въ свободное время привольно разсыпались на свободѣ по окрестностямъ Новгородъ-Сѣверска, изрытымъ громадными, причудливыми рвами, гдѣ было множество ягодъ, особенно-же—земляники. Здѣсь устраивались иногда и довольно нескромныя пирушки, преподавались новичкамъ-гимназистамъ довольно-таки пагубные пріятельскіе уроки.

Все это однако не болѣе какъ шалости, довольно опаснаго пожалуй свойства, и неразумныя увлеченія молодости, не переходившія впрочемъ въ порочность. Помню, какъ послѣ одного изъ засѣданій С.-Петербургскаго педагогическаго общества, въ которомъ много говорилось о школьной дисциплинѣ, К. Д. Ушинскій, какъ-бы продолжая споръ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, вспоминалъ приволье и свободу своей школьной поры и въ положительной формѣ заявилъ, что, за все время его ученія въ гимназіи, онъ не помнитъ чего-нибудь позорнаго, безчестнаго и преступнаго со стороны учащихся. Это объясняется съ одной стороны извѣстнаго рода традиціями въ самой средѣ учащихся, что́ можно и чего нельзя въ извѣстномъ возрастѣ; съ другой-же стороны — контролемъ за учащимися со стороны самаго городского общества. Пренебрегая шалостями, глядя на нихъ, какъ говорится, сквозь пальцы, мѣстное общество, точнѣе—тѣ семьи, которымъ сдавали родители своихъ дѣтей, были въ общемъ недурными дозорцами за ихъ нравственностью въ серьезномъ смыслѣ слова,—умѣли сдержать юнцовъ, если шалости грозили принять явно дурной оборотъ.

Ушинскій, сопоставляя впослѣдствіи свою новгородъ-сѣверскую гимназію, въ которой онъ учился, со многими другими учебными заведеніями въ столицахъ и въ провинціи, такъ между прочимъ говоритъ въ одной изъ неизданныхъ еще его рукописей: «Въ иныхъ огромныхъ дѣтскихъ казармахъ, гдѣ все такъ вылакировано, вычищено, все блеститъ и сверкаетъ, все хвастливо кидается въ глаза своимъ порядкомъ, гдѣ дѣти находятся ежеминутно подъ бдительнымъ надзоромъ неусыпныхъ начальниковъ, украшенныхъ

за свою бдительность всѣми возможными отличіями, заводятся между дѣтьми тѣ же пороки, которые водились и между нами въ бѣдныхъ лачугахъ Новгородъ-Сѣверска; только эти пороки принимаютъ здѣсь еще болѣе характеръ повальныхъ болѣзней, тщательно скрываемыхъ, но не исправляемыхъ начальствомъ».

Будучи взрослымъ уже человѣкомъ и окончательно спеціализировавшись на учебно-воспитательной дѣятельности, Ушинскій, хорошо сознавая всѣ недостатки своей новгородъ-сѣверской гимназіи, тѣмъ не менѣе высоко ставилъ ее и уважалъ. И на то были весьма серьезныя причины.

Во главѣ этой гимназіи стоялъ небезъизвѣстный въ свое время въ ученомъ мірѣ отставной старикъ-профессоръ, Илья Федоровичъ Тимковскій. Это былъ педагогъ по призванію. Съ искренней любовью и уваженіемъ къ наукѣ онъ хранилъ въ душѣ своей истинно-юношескій жаръ и чистыя, нелицемѣрныя религіозныя убѣжденія. Онъ былъ безусловно первымъ лицомъ въ гимназіи не только по своему директорскому рангу и положенію, но еще болѣе по нравственному вліянію на учащихся.

Переходя отъ Библіи къ Горацію и Виргилію, отъ великопостныхъ молитвъ къ цитатамъ изъ Цицерона и Тацита, старикъ умѣлъ тѣмъ не менѣе внушить своимъ питомцамъ благоговѣйное уваженіе къ наукѣ. И учителя, и ученики, проявлявшіе особенную любовь къ наукѣ, пользовались уваженіемъ всей гимназіи, всѣхъ ея классовъ—отъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

Въ общемъ однако гимназія не могла, даже и при лучшемъ желаніи учителей, дать своимъ питомцамъ сколько-нибудь солидныхъ знаній. Для этого не имѣлось тогда необходимыхъ средствъ, какъ-то: ни учебныхъ руководствъ и пособій, ни соотвѣтствующихъ дидактическихъ пріемовъ. Сущность гимназическаго образованія ограничивалась главнымъ образомъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на учащихся, пробужденіемъ въ нихъ сознательной потребности самообученія, любви къ наукѣ и стремленія къ ученію. Достигалось это тѣмъ, что то немногое, которое учащіеся узнавали изъ разныхъ областей науки, усвоивалось ими прочно, съ любовью и уваженіемъ,—не памятью только и холоднымъ разсудкомъ, но и сердцемъ. Въ этомъ именно и заключается одна изъ тайнъ воспитывающаго вліянія обученія, чѣмъ прославились нѣкоторыя изъ прежнихъ школъ, правда, весьма не многія, въ томъ числѣ и новгородъ-сѣверская гимназія во время управленія ею Тимковскимъ.

Ушинскій, съ горячей признательностью вспоминавшій всегда о своемъ старикѣ-директорѣ Тимковскомъ, много разсказывавшій о

немъ, какъ о замѣчательномъ по своему нравственному вліянію педагогѣ, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ такъ: «Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ».

Оцѣнивая-же общее воспитательное вліяніе и образовательное значеніе новгородъ-сѣверской гимназіи, по сравненію съ тѣми многочисленными, благоустроенными по общепринятому понятію, учебными заведеніями, съ которыми пришлось Ушинскому ознакомиться впослѣдствіи, онъ тамъ высказывается въ той-же неизданной его рукописи, на которую мы ссылались уже выше:

«Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастливости для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцати-лѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, уже съ математическою точностью, сдѣлавшею-бы честь любому воеводѣ передового полка, считаются чинами и породою своихъ батюшекъ, дядюшекъ и тетушекъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ, какъ предметахъ необходимыхъ въ неизбѣжной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ практической жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... о! тогда я оцѣнилъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Федоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: *университетъ*! А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и зо-

лотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощь и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы,—что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка, — все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей; я-бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью».

Короче сказать, дѣтство и юность Ушинскаго прошли при условіяхъ, благопріятствовавшихъ свободному, разностороннему развитію душевныхъ его силъ. Захолустная новгородъ-сѣверская гимназія, въ который онъ учился, съ ея привольемъ и свободой—этими великими двигателями воспитанія, — какъ нельзя болѣе способствовала упроченію и развитію здоровыхъ задатковъ первоначальнаго его домашняго воспитанія.

Не отличаясь особеннымъ прилежаніемъ и блестящими успѣхами въ гимназическихъ предметахъ, Ушинскій однако зналъ все то, что проходилось въ гимназіи, и успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ. Обладая большими способностями, онъ слишкомъ мало тратилъ времени на приготовленіе уроковъ, нерѣдко просто довольствовался прочтеніемъ заданнаго въ классѣ уже, передъ урокомъ. Все-же свободное время посвящалъ чтенію и прогулкамъ.

Помимо директора гимназіи, Тимковскаго, немаловажное вліяніе имѣлъ на развитіе Ушинскаго также и учитель исторіи, пользовавшійся большимъ уваженіемъ учащихся. Читая безъ разбора все, что подвертывалось подъ руку въ отцовской и гимназической библіотекѣ, юный Ушинскій тѣмъ не менѣе, какъ-бы незамѣтно

даже для самого себя, удѣлялъ больше вниманія сочиненіямъ исто-рическаго характера и путешествіямъ. Безпрерывное чтеніе вызы-вало у него усиленную душевную работу, такъ что съ годами онъ началъ замѣтно уединяться, совершая отдаленныя прогулки, или шагая изъ угла въ уголъ въ гимназіи, погруженный въ размышле-нія. Объ этихъ моментахъ уединенія, главнымъ образомъ на лонѣ природы, на любимыхъ кручахъ берега Десны, Ушинскій между прочимъ самъ говоритъ:

«Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расши-ряющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, прогляды-вающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и «впечатлѣнія бытія» до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣни-лась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глуби-нами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ не-вѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачомъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, за-пертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечат-лѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мяг-кость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой».

Основываясь преимущественно на этихъ словахъ Ушинскаго, нѣкоторые изъ его біографовъ приписываютъ ему особенную склон-ность къ мечтательности и безпечность въ пору гимназической жизни. Но это совершенно невѣрно.

Мечтательность разслабляетъ душевныя силы, истощаетъ ихъ, развиваетъ апатію и лѣнь. Ушинскій-же былъ всегда дѣятеленъ, подвиженъ, даже въ отроческомъ и дѣтскомъ возрастѣ. Каждый повиненъ въ мечтаніяхъ въ пору перваго расцвѣта юности. Отдалъ имъ дань конечно и Ушинскій, но именно въ смыслѣ поэтической восторженности и идеализаціи,—что составляетъ лучшее украше-ніе юности и безъ чего юность хуже старости.

Хотя онъ и говоритъ, что ему много пришлось «перемечтать» на кручахъ завѣтнаго берега Десны, подъ вліяніемъ восхитительныхъ красотъ природы, но въ сущности это были совсѣмъ не мечты въ общепринятомъ смыслѣ, а живая, полезная, производительная работа юной души, только-что начинавшей формироваться мысли. Крайне воспріимчивый къ впечатлѣніямъ окружающей природы, жадно искавшій новаго и новаго въ чтеніи, онъ все это самостоятельно перерабатывалъ въ себѣ самомъ, безъ всякихъ посторонних указаній и руководства, вырабатывая нѣчто свое, что можно до нѣкоторой степени назвать *міровоззрѣніемъ*. Несомнѣнно, что въ немъ было много ошибочнаго, дѣтскаго, но во всякомъ случаѣ это была не праздная мечта и соблазнительная греза, а положительная, производительная работа молодого ума, юной души,—полезная гимнастика душевныхъ силъ. Чуждая мечтательности въ общепринятомъ значеніи этого слова, самодѣятельность юнаго Ушинскаго, наоборотъ, была проникнута самымъ чистымъ и возвышеннымъ идеализмомъ, уцѣлѣвшимъ въ немъ во всю послѣдующую жизнь.

Эта самостоятельная духовная жизнь Ушинскаго шла, можно сказать, совершенно особнякомъ отъ собственно гимназической работы. Но это объясняется вовсе не безпечностью его къ гимназическимъ занятіямъ, а сильнымъ увлеченіемъ самостоятельной работой надъ собственнымъ развитіемъ. Прохожденіе впослѣдствіи университетскаго курса доказало, что работа эта была удачна. Насколько-же она была упорна, можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Желая расширить сферу доступнаго ему чтенія, Ушинскій, будучи еще гимназистомъ, настолько изучилъ, безъ посторонней помощи, нѣмецкій языкъ, что сталъ читать Шиллера. Это свидѣтельствуетъ о любви къ труду и умѣнью быть упорнымъ въ немъ.

Въ своемъ увлеченіи самостоятельной работой надъ самимъ собою Ушинскій зашелъ однако такъ далеко, что, несмотря даже на блестящія способности, не выдержалъ выпускного гимназическаго экзамена и не получилъ аттестата. Но гимназія, обдѣлившая его аттестатомъ, снабдила кой-чѣмъ по важнѣе всякихъ аттестатовъ. Она дала ему истинную зрѣлость ума и воли, сберегла его энергію и силы, развила въ немъ вѣру въ самого себя, любовь и способность преодолѣвать препятствія. Обладая такими задатками, вообще очень важными въ жизни и тѣмъ болѣе при неудачахъ, юный Ушинскій нисколько не растерялся, получивъ первый щелчокъ на порогѣ выхода изъ школы въ жизнь. Онъ съ жаромъ принялся за приготовленіе къ вступительному университетскому экзамену, отправился въ Москву, успѣшно выдержалъ экзамены и въ 1840 году, т. е.

одновременно съ бывшими своими гимназическими товарищам
былъ зачисленъ въ число студентовъ Московскаго университет
по юридическому факультету.

II.

Университетъ.

Особенность 40-хъ годовъ и состояніе въ то время Московскаго университета.—Увлеченіе учащихъ и учащихся наукой; положеніе и роль Ушинскаго въ студенческой средѣ.—Наиболѣе благотворное вліяніе профессоровъ: П. Г. Рѣдкин и Грановскаго; ранняя, но прочная зрѣлость Ушинскаго въ умственномъ нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій

Прохожденіе Ушинскимъ университетскаго курса совпало с однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ моментовъ умственнаго дви женія въ Россіи. Начало 40-хъ годовъ—время перваго пробуж денія политическаго сознанія по крайней мѣрѣ въ передовой част русскаго общества. Съ началомъ-же 40-хъ годовъ совпадает большой переворотъ въ нашей литературѣ: съ этого момента ведет свое начало новѣйшая русская литература. Въ печати и передовых общественныхъ кружкахъ забилась лихорадочная потребность в философско-научномъ анализѣ. Подъ вліяніемъ этого, началас весьма энергическая переработка всѣхъ идеаловъ, проявилос сильное стремленіе отрѣшиться отъ тѣхъ безформенныхъ романти ческихъ иллюзій, которыми жили во время 30-хъ годовъ. Обна ружилось горячее, искреннее проникновеніе идеями народнаго блага началось раскаяніе въ вѣковыхъ неправдахъ, лежавшихъ на совѣ сти русскихъ людей. Все это движеніе можно охарактеризовать однимъ словомъ—*народность*. Вмѣсто прежнихъ метафизическихъ потемокъ и романтическихъ мечтаній, печать и общество преиспол нились заботы и думы о «народѣ», «народномъ благѣ», «народных идеалахъ». Со страницъ русской печати впервые пахнуло здоровым реализмомъ, отраженіемъ потребностей и нуждъ русской жизни.

Въ такую знаменательную эпоху пробужденія русскаго обще ственнаго самосознанія выпало на долю Ушинскаго проходить уни верситетскій курсъ. Съ истиннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ он всегда объ университетскихъ годахъ, какъ о лучшей порѣ въ своей жизни, какъ о моментѣ духовнаго своего нарожденія.

Да и было что вспоминать, было за что хранить признатель ность. Московскій университетъ въ ту пору переживалъ, можно ска

ать, самый блестящій періодъ въ своей исторіи. Послѣ измѣненія ниверситетскаго устава въ 30-хъ годахъ, составъ профессоровъ осковскаго университета, при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго опечителя учебнаго округа, графа С. Г. Строганова, былъ почти овершенно обновленъ, если не считать нѣсколькихъ старичковъ-рофессоровъ, привыкшихъ читать по печатнымъ книгамъ, которымъ позволили дотянуть до пенсіи. Большая-же часть профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, недавно возвратившіеся изъ за-границы (преимущественно изъ Германіи) съ большимъ запасомъ знаній и прочной илософской закваской, съ горячей преданностью наукѣ и твердой вѣрой, что счастье на землѣ можетъ водворить лишь такой универсальный двигатель, какъ наука.

Въ блестящемъ составѣ профессоровъ Московскаго университета той поры звѣздами первой величины были: Грановскій, профессоръ исторіи, и П. Г. Рѣдкинъ, профессоръ энциклопедіи, законовѣдѣнія и государственнаго права. На ихъ лекціи стекались обыкновенно студенты всѣхъ факультетовъ, не исключая даже математическаго и медицинскаго, гдѣ учащіеся наиболѣе бываютъ увлечены своею спеціальностью.

Грановскій и Рѣдкинъ очень удачно пополняли другъ друга. Первый, отличавшійся большимъ мастерствомъ чтенія, дѣйствовалъ преимущественно на чувство слушателей, вызывая въ нихъ живой интересъ къ исторіи, но не пробуждая однако особенно усиленной работы ума. Второй-же, наоборотъ, не отличался особеннымъ лекторскимъ дарованіемъ, но увлекалъ слушателей обширностью и глубиною эрудиціи, неумолимою логикой. Слушаніе его лекцій вызывало усиленную работу мысли.

Лекціи П. Г. Рѣдкина кромѣ того имѣли въ то время очень важное значеніе и съ точки зрѣнія общаго университетскаго образованія. Большую часть своего курса онъ посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія которой, понятно, университетское образованіе не можетъ имѣть должной глубины, не можетъ быть научно въ полномъ смыслѣ слова. Такая постановка преподаванія была тѣмъ болѣе кстати, что въ университетѣ въ то время вовсе не преподавалось философіи; даже логика и психологія, неудачно пристегнутыя къ курсу богословія, слишкомъ поверхностно преподавались законоучителемъ. Такимъ образомъ лекціи Рѣдкина были для студентовъ единственнымъ средствомъ расширить и обобщить свое міровоззрѣніе на философскихъ основаніяхъ. Помимо Грановскаго и Рѣдкина, большою популярностью среди студентовъ

пользовались также лекціи Чивилева, оффиціально считавшагося профессоромъ статистики, но преподававшаго однако политическую экономію, и лекціи профессора Крылова—по римскому праву.

Принявъ во вниманіе общее движеніе въ Россіи и пробужденіе русской общественной мысли, не трудно понять, какъ сильно должен былъ завладѣвать молодежью университетъ, особенно-же при такомъ удачномъ подборѣ профессоровъ, какъ въ Московскомъ университетѣ. Вообще говоря, юношество, переступая въ то время порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки, съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени.

Такое благотворное, истинно-научное вліяніе университет очень характерно отразилось на юномъ Ушинскомъ. Та своеобразная система самообразованія, которую онъ продѣлалъ надъ собо въ гимназіи, та гимнастика ума, къ которой онъ пріучилъ себя,— оказались какъ нельзя болѣе полезными во время университетскаг курса. И съ первыхъ же прослушанныхъ имъ лекцій, послѣ пер выхъ дней пребыванія въ университетѣ, онъ развернулся во всѣ ширь своей богато и разносторонне одаренной природы.

Какъ юноша хорошо развитой, онъ свободно, безъ всякаго за трудненія, слушалъ лекціи по всѣмъ предметамъ избраннаго им факультета. Обладая обширною памятью, онъ легко усвоивалъ н только основную мысль лекцій, но и всѣ главнѣйшія частности. Э на первыхъ же порахъ рѣзко выдвинуло Ушинскаго и сдѣлало е до нѣкоторой степени предметомъ удивленія со стороны товарище

Къ лекціямъ Ушинскій относился съ большимъ увлеченіем Онъ сразу почуялъ въ нихъ разумные, доказательные, научны отвѣты на всѣ тѣ затаенные вопросы, которые давно уже тѣсни лись въ его пытливомъ юношескомъ умѣ, угнетали его духъ, настой чиво требуя разрѣшенія. Никогда не оставаясь въ роли пассивна слушателя лекцій, Ушинскій обыкновенно выходилъ изъ аудитор съ массою новыхъ ощущеній, удовлетворенный или неудовлетво ренный прослушаннымъ, съ новыми вопросами и мѣткими замѣ чаніями по поводу прослушаннаго. Нерѣдко послѣ лекціи по тому или другому предмету ему случалось развивать своимъ товарища цѣлую теорію, которой имъ не удалось усвоить въ профессорском изложеніи.

Это естественно сдѣлало его центромъ кружка товарище также горячо интересовавшихся наукой, какъ и онъ. Въ этой сре онъ пользовался большою любовью не только за умъ, остроту, пр

мой, открытый характеръ, но и какъ идеально хорошій товарищъ. Придерживаясь преимущественно бѣдной среды товарищей, какъ наиболѣе преданныхъ интересамъ науки, онъ охотно дѣлился съ ними не только своими знаніями, но и послѣднимъ рублемъ, послѣдней трубкой табаку.

Въ то время не было развито изданіе профессорскихъ лекцій въ видѣ литографированныхъ записокъ. Вслѣдствіе этого, хотя университетскій курсъ въ общемъ былъ меньше нынѣшняго, но студентамъ несравненно больше, чѣмъ теперь, приходилось самостоятельно работать. Благодаря этому, подъемъ научнаго интереса въ студенческой средѣ былъ очень высокъ. Это само собою порождало потребность въ живомъ обмѣнѣ мыслями по вопросамъ политическимъ, литературнымъ, нравственнымъ, философскимъ, историческимъ и проч. Поэтому сплоченность, солидарность студенческой среды была очень велика.

Въ Москвѣ въ ту пору образовалось даже нѣчто вродѣ студенческаго клуба. Это—небольшой трактиръ «Великобританія», находившійся по близости университета. Благодаря главнымъ образомъ вліянію Бѣлинскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени, этотъ эмбріонъ клуба получилъ, можно сказать, историко-литературное значеніе умственнаго центра московскаго студенчества 40-хъ годовъ. Студентъ Ушинскій былъ очень замѣтною величиною въ этой общестуденческой семьѣ. Его мѣткія замѣчанія обо всемъ, что волновало учащуюся молодежь, облетали нерѣдко весь университетъ. Со свойственною ему прямотою и рѣзкостью, Ушинскій одинаково порицалъ и тѣхъ профессоровъ, и тѣхъ студентовъ, которые въ чемъ-либо отклонялись отъ высокихъ нравственныхъ идеаловъ, вдохновлявшихъ тогда университетскую молодежь.

Вообще Ушинскій выгодно выдѣлялся въ студенческой средѣ самостоятельностью, независимостью своихъ воззрѣній, смѣлостью открыто высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ напримѣръ, въ противность весьма распространенному въ то время поклоненію передъ Наполеономъ I и Вольтеромъ, Ушинскій не стѣснялся порицать того и другого. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ свободы, видя въ ней величайшее благо для человѣчества, Ушинскій порицалъ Наполеона I за его посягательство на политическую свободу, Вольтера-же—за его вторженіе въ область свободы совѣсти. Такое воззрѣніе на этихъ двухъ великихъ историческихъ дѣятелей Ушинскій сохранилъ во всю свою жизнь.

Съ особенною благодарностью вспоминалъ Ушинскій о П. Г. Рѣдкинѣ и Грановскомъ, подъ вліяніемъ талантливыхъ лекцій которыхъ онъ увлекся философіей и исторіей, весьма солидно изученными имъ на студенческой скамьѣ.

Ушинскому, въ бытность его студентомъ, приходилось работать очень много. Помимо увлеченія наукою и добросовѣстнаго отношенія къ университетскимъ занятіямъ, ему нужно было еще бороться съ нуждою. Втеченіи почти всего университетскаго курса онъ вынужденъ былъ давать частные уроки. Состояніе его родителей съ каждымъ годомъ падало; деньги высылали изъ дому неисправно и, въ общемъ, ихъ было недостаточно даже для самаго скромнаго существованія въ университетѣ.

Трудовое, независимое существованіе прибавило энергіи юному Ушинскому и служило прекрасной школой для воспитанія въ немъ твердой воли. Борьба-же съ нуждою нисколько не ослабила его розоваго поэтическаго настроенія. Серьезно занимаясь наукою, онъ не забросилъ и художественной литературы. Рука-объ-руку съ наукою шло основательное чтеніе любимыхъ его русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ-то: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гете, Гофмана, Жана-Поля Рихтера и нѣкоторыхъ другихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ушинскій страстно увлекался также и театромъ, посѣщеніе котораго считалъ даже обязательнымъ для себя. Изъ своего скромнаго студенческаго бюджета онъ ежемѣсячно отдѣлялъ извѣстную сумму на театръ, причемъ конечно ему могли быть доступны только самыя верхнія мѣста.

Московскій театръ того времени привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Это была пора полнаго расцвѣта талантовъ такихъ даровитыхъ артистовъ, какъ Мочаловъ и Щепкинъ, приводившихъ своею правдивою, обдуманною, прочувствованною игрою въ благоговѣйный трепетъ зрителей. Увлеченіе Ушинскаго ихъ замѣчательною игрою не ограничивалось однимъ созерцаніемъ ея и восхищеніемъ ею, но было несравненно глубже. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ игры Мочалова, онъ написалъ, спеціально для его бенефиса, шести-актную трагедію. Явившись къ Мочалову, онъ прочиталъ ему нѣсколько дѣйствій изъ своей трагедіи. Но тотъ не призналъ въ ней никакихъ достоинствъ. Ушинскій, чрезвычайно огорченный этимъ приговоромъ, даже какъ бы разочаровавшійся на нѣкоторое время въ Мочаловѣ, тѣмъ не менѣе подчинился его суду и не предпринималъ никакихъ попытокъ, чтобы поставить свое произведеніе на сцену. Повидимому онъ безслѣдно уничтожилъ свою трагедію и впослѣдствіи вспоминалъ о ней не иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ.

Но каково-бы ни было это его литературное произведеніе, проявленіе писательской жилки въ юномъ Ушинскомъ очень характерно, потому что все остальное свое жизненное поприще онъ прошелъ съ перомъ въ рукахъ, занимая очень видное мѣсто въ передовой линіи лучшихъ литературныхъ русскихъ силъ.

Подъ такими разнообразными и весьма благотворными вліяніями прошло студенчество Ушинскаго. Въ 1844 году, къ двадцати годамъ жизни, онъ блестяще окончилъ университетъ, вторымъ кандидатомъ правъ. Въ наше время большинству подростающихъ поколѣній приходится въ такомъ возрастѣ едва-едва добираться до аттестата зрѣлости. Ушинскій-же, несмотря на юный возрастъ, представлялъ собою выработавшуюся, замѣчательно цѣльную личность, удачно сформировавшуюся подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій дѣтства и школы, и тѣмъ болѣе—университетской науки, разумнаго товарищества, возвышающей душу поэзіи и воспитывающаго театра.

III.

Первыя неудачи въ практической жизни.

Юный Ушинскій, какъ профессоръ Демидовскаго лицея; его успѣхъ и отставка.—Департаментская служба. — Тяжелыя матеріальныя условія и начало литературной дѣятельности; разнообразный писательскій талантъ.—Благопріятный поворотъ въ жизни К. Д. Ушинскаго.

Несмотря на юношескій возрастъ Ушинскаго, юридическій факультетъ Московскаго университета такъ блестяще аттестовалъ своего «второго кандидата» въ смыслѣ умственной и нравственной зрѣлости, что бывшій въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ не задумался пригласить Ушинскаго на профессорскую каѳедру въ Ярославскій Демидовскій лицей. Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса, т. е. имѣя отъ роду лишь около двадцати двухъ лѣтъ, Ушинскій занялъ въ лицеѣ, преобразовывавшемся тогда въ высшее камеральное училище, каѳедру по энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансовой наукѣ.

Со всѣмъ пыломъ чистой юношеской души предался юный профессоръ чтенію лекцій, къ чему почувствовалъ страстное влеченіе. Добросовѣстно готовясь къ лекціямъ, онъ мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, увлекательно. Вскорѣ онъ занялъ одно изъ наи-

болѣе почетныхъ мѣстъ среди другихъ профессоровъ Ярославскаго лицея, какъ даровитый лекторъ, вполнѣ владѣвшій предметомъ, и пользовался большимъ расположеніемъ и уваженіемъ учащихся, оказывая сильное и благотворное вліяніе на нихъ.

Помимо лекцій, популярности его много способствовала также и рѣчь, произнесенная имъ на торжественномъ собраніи лицея 18 сентября 1848 года, «О камеральномъ образованіи». Эта рѣчь служитъ между прочимъ прекраснымъ доказательствомъ, съ какой громадной пользой для себя и для другихъ проработалъ Ушинскій четыре года на профессорской каѳедрѣ. Въ ту эпоху необычайно юнаго положенія русской науки и слѣпого подражанія во всемъ наукѣ заграничной, главнымъ-же образомъ—нѣмецкой, Ушинскій выступилъ вдругъ рѣзкимъ порицателемъ и противникомъ нѣмецкой системы камеральнаго образованія. Въ рѣчи своей онъ талантливо доказалъ, что нѣмецкіе камералисты очень неудачно смѣшали науку и искусство; что сочиненія ихъ по предметамъ камеральнаго образованія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній по разнымъ отраслямъ промышленности. Отвергнувъ нѣмецкую систему, какъ рецептурную, но вовсе не научную, Ушинскій предложилъ свою собственную. По его плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи, общества и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того онъ указалъ необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всѣми вообще условіями мѣстной жизни.

Программа эта, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ познаній юнаго еще Ушинскаго, о самостоятельности и смѣлости его воззрѣній, заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, какъ первый голосъ въ русской наукѣ въ пользу экономическаго и бытового изученія народной жизни, о чемъ въ ту пору никто и думать не могъ. И только теперь, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ того, какъ Ушинскимъ впервые было указано на необходимость всесторонняго и тщательнаго мѣстнаго изученія, оно стало наконецъ предметомъ лучшихъ общественныхъ и правительственныхъ заботъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и выдвинула Ушинскаго въ ряду его собратій по наукѣ, какъ человѣка, имѣющаго свой самостоятельный взглядъ, вдохновленнаго стремленіемъ пріурочить науку прежде всего служенію интересамъ родины, русскаго народа. «Народность», впервые начавшая пульсировать въ русской литературѣ—какъ было уже указано выше—въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ характерно проявилась въ научныхъ стремленіяхъ

Ушинскаго, какъ профессора, пытавшагося произвести цѣлый переворотъ въ области камеральнаго образованія, представлявшаго въ то время соединеніе юридическихъ наукъ съ естественными и имѣвшаго большое значеніе во всей практической дѣятельности.

Въ другое время, при иныхъ условіяхъ нашей жизни, рѣчь «О камеральномъ образованіи» должна-бы была послужить началомъ блестящей ученой карьеры Ушинскаго. Но не таковъ былъ 1848 годъ, какъ начало крайне неблагопріятнаго поворота для науки, печати, всякихъ вообще возвышенныхъ порывовъ и стремленій. Ушинскій однако какъ бы совсѣмъ не замѣчалъ этого. Жадный къ труду, воспитавшій въ себѣ потребность и умѣнье много и упорно работать, привыкшій все перерабатывать самостоятельно, онъ успѣлъ уже, что называется, до корней изучить сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію, усиленно занимаясь притомъ и юридическими науками. Какъ профессоръ и ученый, онъ окончательно созрѣлъ, установился. Но въ это-то именно время его подстерегалъ уже первый тяжелый ударъ въ жизни.

Начавшійся въ 1848 году неблагопріятный поворотъ въ русской жизни добрался наконецъ въ 1850 году и до Демидовскаго лицея, мирно занимавшагося наукой, и только ею одной, въ провинціальной глуши. Стремленіе все подвести въ жизни подъ шаблонную мѣрку, усчитать или даже предрѣшить всякій шагъ въ дѣятельности каждаго и всѣхъ, на всевозможныхъ поприщахъ общественнаго служенія,—очень тяжело и пагубно отразилось главнымъ образомъ въ области ученой дѣятельности, вызвавъ невообразимый застой мысли въ русскомъ обществѣ. Отъ преподавателей высшей науки потребовали не только самыхъ полныхъ, подробныхъ программъ, съ указаніемъ что́ и изъ какого именно сочиненія они намѣрены цитировать, но еще и съ распредѣленіемъ всего курса преподаванія по днямъ и часамъ. Когда на совѣтѣ преподавателей Демидовскаго лицея было заявлено такое требованіе,—это вызвало столкновеніе Ушинскаго съ начальствомъ. Онъ горячо доказывалъ, что живое педагогическое дѣло вообще и тѣмъ болѣе ученую дѣятельность «невозможно связывать такими формальностями»; что каждый преподаватель долженъ прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробленіе «курса на часы» «совершенно убьетъ живое дѣло преподаванія».

Такой трезвый взглядъ на педагогическія обязанности и задачи дѣлаетъ большую честь Ушинскому. Но отъ него требовали не разсужденія, а безпрекословнаго исполненія именно того, что должно было «убить живое дѣло». Вѣрный принципу, что «на такое убій-

ство не отважится ни одинъ честный преподаватель»,—Ушинскій вышелъ изъ лицея въ 1850 году. Примѣру его послѣдовали и нѣкоторые другіе преподаватели.

Оставшись безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, Ушинскій отправился въ Петербургъ на поиски работы. Не желая покидать педагогической дороги, онъ усиленно искалъ въ столицѣ хотя бы мѣста уѣзднаго учителя. Но напрасно: выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. Бывшему профессору, страстному педагогу ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться въ чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій, подъ вѣдѣніемъ графа Д. А. Толстого. Но здѣсь, на первыхъ же порахъ службы, острое слово, неосторожно оброненное Ушинскимъ по адресу графа Толстого и быстро облетѣвшее весь департаментъ, довольно рѣзко возстановило графа противъ Ушинскаго. Это недоброе чувство тяжело отразилось на Ушинскомъ главнымъ образомъ впослѣдствіи, въ бытность графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія.

Департаментская служба, дававшая всего 400 рублей въ годъ, не могла обезпечить Ушинскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже женатъ (на Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко, дочери малороссійскаго помѣщика). Пришлось искать другихъ занятій, чему впрочемъ нисколько не препятствовала необременительная департаментская служба. По прежнему увлекаясь философіею и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся также и изученіемъ англійскаго языка. Это облегчило ему доступъ къ журнальной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ—въ качествѣ критика, компилятора, переводчика и проч. Съ 1852 года Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе въ «Современникѣ», а съ 1854 г.—и въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся А. В. Старчевскимъ. Помимо обширныхъ знаній, умѣнья владѣть перомъ и душевнаго жара, которымъ проникнуты даже и небольшія компилятивныя и переводныя статьи Ушинскаго, не говоря ужъ о критическихъ его статьяхъ (напримѣръ: «Литературный характеръ, или исторія генія, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній Дизраэли», «Современн.», 1853 г., №№ съ 5-го по 8-й), онъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ и несомнѣнный беллетристическій талантъ. Его разсказъ «Поѣздка на Волховъ», появившійся въ 1852 году въ «Современникѣ» (№ 9), былъ замѣченъ критикою и вызвалъ похвалу со стороны И. С. Тургенева.

Вообще за Ушинскимъ довольно скоро упрочилась репутація

талантливаго и образованнаго писателя. Помимо разныхъ текущихъ журнальныхъ работъ, онъ принималъ участіе и въ переводѣ «Политической экономіи» Милля. Но въ общемъ журнальная работа вознаграждалась очень скудно, поглощая однако много времени. Надъ составленіемъ срочныхъ журнальныхъ работъ (обозрѣній, хроникъ, разборовъ книгъ и проч.) Ушинскому нерѣдко приходилось проводить ночи напролетъ,—и это довольно сильно разстроило его здоровье, не отличавшееся особенною крѣпостью. Ушинскій, понимая опасность для себя журнальной работы, сталъ тяготиться ею, искать выхода. Случай вывелъ его на педагогическую дорогу, на которой онъ и обезсмертилъ свое имя.

Бывшій начальникъ Ушинскаго по Демидовскому лицею, П. В. Голохвастовъ, назначенный потомъ директоромъ Гатчинскаго сиротскаго института, рекомендовалъ Ушинскаго, какъ педагога, особенному вниманію почетнаго опекуна института, графа Ланского, который и лично зналъ Константина Дмитріевича. Въ 1855 году послѣдовало назначеніе Ушинскаго преподавателемъ словесности и законовѣдѣнія въ Гатчинскій институтъ, а вскорѣ затѣмъ—и инспекторомъ института, вмѣсто П. С. Гурьева, послѣ выхода его въ отставку.

Такъ окончательно опредѣлилась педагогическая спеціальность Ушинскаго. Въ Гатчинскомъ институтѣ, вмѣстѣ съ прочнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ и почетнымъ положеніемъ, Ушинскій нашелъ обширное школьное дѣло, совершенно своеобразно поставленное, т. е. цѣлую систему школъ, начиная съ начальныхъ, для маленькихъ дѣтей, только что принимающихся за грамоту, и кончая высшими классами, съ курсомъ законовѣдѣнія. Это громадное живое дѣло не могло не увлечь дѣятельной, отзывчивой натуры Ушинскаго, съ энтузіазмомъ принявшагося за изученіе педагогической литературы съ самыхъ ея корней—отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Но, помимо обширнаго школьнаго дѣла, у котораго сталъ Ушинскій, были и другія обстоятельства, способствовавшія страстному, безповоротному увлеченію его педагогическою дѣятельностью. Мы говоримъ о «безповоротности» потому, что вступленіе Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ совпало съ тѣмъ періодомъ, когда онъ усиленно думалъ о возвратѣ на ученую дорогу и на дѣятельность въ Гатчинѣ готовъ былъ смотрѣть, какъ на переходную. Это тѣмъ болѣе было возможно, что, по характеру четырехлѣтней своей журнальной дѣятельности, онъ не только не разошелся съ чистою на-

укою, но систематически упрочивался въ ней; да кромѣ того и политическій горизонтъ Россіи значительно расчистился уже для продолженія научной дѣятельности, безъ всякихъ сдѣлокъ со своею совѣстью.

IV.

Начало педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго.

Крутой переломъ въ русскомъ обществѣ и возбужденіе вниманія къ педагогическимъ вопросамъ.—Увлеченіе Ушинскаго педагогическою дѣятельностью.—Первые русскіе педагогическіе журналы и воздѣйствіе Ушинскаго на русское общество путемъ печати.—Первый опытъ составленія книги для начальнаго обученія русскому языку.

Время выступленія Ушинскаго на педагогическомъ поприщѣ было началомъ крутого перелома въ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ униженія и оскорбленія неудачами крымской войны, общество съ какимъ-то изступленіемъ занималось безпощаднымъ самообличеніемъ, самобичеваніемъ. Но эта добровольная казнь общества,—казнь притомъ вполнѣ заслуженная предшествовавшею умственною и нравственною летаргіею,—не имѣла ничего общаго съ малодушіемъ, отчаяніемъ. Общество, огульно, сплошь порицая то, чему оно автоматически поклонялось, рвалось впередъ—искало лучшаго, стремилось къ лучшему, сознавая въ себѣ энергію и силы, чтобы добиться этого лучшаго.

Въ этотъ моментъ высокаго общественнаго возбужденія впервые раздался призывъ Н. И. Пирогова къ дѣлу воспитанія и обученія («Вопросы жизни», № IX «Морского Сборника», 1856 года). Съ лихорадочною страстностью набросилось общество на совершенно невѣдомые ему раньше вопросы учебно-воспитательной части, ставшіе теперь излюбленными вопросами въ высшемъ кругу, въ ученыхъ обществахъ и клубахъ, въ семьяхъ и школахъ, до приходскихъ училищъ включительно. Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дѣла воспитанія и обученія во всемъ его прошломъ. Правительство также явно склонялось къ полной и коренной реформѣ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и искало людей, способныхъ помочь ему въ этомъ отношеніи.

Словомъ, всѣ сознавали, что подрастающія поколѣнія необходимо учить и воспитывать иначе, чѣмъ прежде,—всѣ желали этого, всѣ стремились къ этому. Но дѣло однако оставалось безъ движе-

нія, потому что не доставало работника, не было на виду исполнителя, могшаго выступить въ роли новатора педагога-практика и писателя-теоретика, способнаго перомъ расчищать передъ собою путь въ реформаторской педагогической дѣятельности.

Очередь была за Ушинскимъ, который въ это время въ гатчинской тиши упорно, систематически готовился къ великой и благотворной роли русскаго педагога-реформатора.

Еще лѣтомъ 1855 года, т. е. на первыхъ же порахъ послѣ поступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ, редакторъ «Библіотеки для Чтенія», г. Старчевскій, отобравъ нѣсколько нумеровъ англійскаго журнала «Athenaeum», въ которыхъ были помѣщены статьи объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ, послалъ ихъ Ушинскому въ Гатчину, съ просьбою какъ можно скорѣе перевести для журнала. Статьи эти произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Ушинскаго. «Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи?—говорилъ Ушинскій Старчевскому, явившись къ нему въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ.—Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'а», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ».

Слѣдующее обстоятельство играло въ этомъ отношеніи еще болѣе серьезную роль. Задолго до вступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ тамъ былъ инспекторомъ нѣкто Ев. Ос. Гугель. О немъ давно уже всѣ забыли, а если и вспоминали, то не иначе, какъ о «чудакѣ-мечтателѣ, человѣкѣ не въ своемъ умѣ», оставившемъ въ наслѣдіе институту библіотеку, состоявшую изъ двухъ довольно большихъ шкафовъ, къ которымъ никто не рѣшался прикоснуться, словно они были зачумленные. Шкафы эти, почернѣвшіе, запыленные, лѣтъ 20 стояли запечатанными. Ушинскій попросилъ отворить ихъ и нашелъ тамъ замѣчательно «полное собраніе педагогическихъ книгъ». Вотъ что писалъ онъ объ этой своей находкѣ, игравшей въ его жизни большую роль.

«Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились,—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою-же мертвою рукою, я думалъ: лучше было-бы, если-бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи».

Но труды несчастнаго Гугеля не пропали безслѣдно. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ они нашли талантливаго продолжателя въ лицѣ К. Д. Ушинскаго. Занявъ мѣсто инспектора института, онъ получилъ возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнять на дѣлѣ тѣ педагогическіе вопросы, которые занимали его въ теоріи. Дѣятельность Ушинскаго въ роли администратора-педагога обширнаго учебнаго заведенія отличается большою энергіей и разумностью. Время инспекторства Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ—одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи этого учебнаго заведенія, ярко отмѣченная большою упорядоченностью всего учебно-воспитательнаго дѣла и успѣшностью его.

Какъ ни производительна была дѣятельность Ушинскаго по институту, какъ ни сильно занимала она его, тѣмъ не менѣе не могла насытить всей его энергіи, обнять всей шири педагогическихъ его воззрѣній и стремленій. Ему тѣсно было въ стѣнахъ института. Въ это именно время, подъ напоромъ общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и обученія, разомъ возникло, въ 1857 году, два педагогическихъ журнала: «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», Н. А. Вышнеградскаго, и «Журналъ для воспитанія», А. А. Чумикова. Въ слѣдующемъ, 1858 году, прибавился еще одинъ дѣльный педагогическій журналъ — «Учитель», г. Паульсона. Въ одномъ изъ

этихъ журналовъ («Воспитаніи», Чумикова) Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе.

36 лѣтъ прошло уже со времени появленія въ свѣтъ одной изъ первыхъ педагогическихъ статей Ушинскаго—«О пользѣ педагогической литературы» («Воспитаніе», 1857 г., т. I), а между тѣмъ она настолько сохранила свою свѣжесть, значеніе и силу, словно въ ней говорится о текущихъ нашихъ школьныхъ злобахъ дня.

«Сравните число истинно развитыхъ людей съ числомъ лицъ, получившихъ систематическое воспитаніе, загляните въ училища и сравните число начинающихъ курсъ съ числомъ тѣхъ, которые оканчиваютъ его,—и вы увидите, какъ много еще остается сдѣлать воспитанію!» Такъ между прочимъ опредѣлилъ Ушинскій въ указанной статьѣ задачу воспитанія. Осуществленіе этой задачи онъ ставитъ въ непосредственную зависимость отъ педагогической литературы.

«Педагогическая литература—говоритъ онъ—одна только можетъ обновить воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература установляетъ въ обществѣ съ одной стороны правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій».

Та литература, о которой говоритъ Ушинскій, не имѣетъ ничего общаго съ технической педагогическою литературою, которая не можетъ одухотворить дѣла воспитанія, поднять его на степень искусства, придать ему творчество. Безъ этого же условія педагогическое дѣло оказывается однимъ изъ самыхъ безотрадныхъ видовъ ремесленничества, не чуждаго даже извѣстной доли вреда для подрастающихъ поколѣній, общества и государства. Это прекрасно выражено Ушинскимъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Преподаватель, который только въ классахъ занимается своимъ дѣломъ, а, переходя за порогъ школы, не встрѣчаетъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ никакого участія къ своему занятію, весьма скоро можетъ охладѣть къ нему. Преподаватель, уединенный въ своей тихой, монотонной дѣятельности, видя, что ни общество, ни литература, занимающаяся даже ассирійскими древностями и этрусскими вазами, не занимаются его скромнымъ дѣломъ, долженъ имѣть необыкновенно много нравственной энергіи, чтобы не уснуть подъ убаюкивающее журчанье однообразной учительской

жизни. Вопросы науки, литературы, общественной жизни не ка
саются даже слегка его микроскопической дѣятельности. Новая по
вѣсть, новый водевиль, новая скрипка, даже новая шляпка—какі
это все блестящія явленія, въ сравненіи съ крошечными фактам
учительской дѣятельности!.. Новый воспитатель, можетъ быть
съ лучшими намѣреніями принявшійся за дѣло, скоро замѣчаетъ
что внѣ предѣловъ класса никто имъ не занимается, и самъ мало
по-малу привыкаетъ заниматься имъ только въ классѣ... Скоро он
начинаетъ довольствоваться механической рутиной, однажды
созданной, часто ложной и почти всегда односторонней. Случаетс
даже иногда, что, закоренѣвъ въ этой рутинѣ, онъ начинаетъ с
какою-то злобою смотрѣть на всякую педагогическую книгу, если-бы
она какъ-нибудь, сверхъ всякаго ожиданія, и попалась ему подъ
руку: онъ видитъ въ ней дерзкую нарушительницу своего долго
лѣтняго спокойствія». «Наставническая и воспитательная дѣятель
ность, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается в
постоянномъ одушевленіи; а между тѣмъ она болѣе, чѣмъ всяка
другая дѣятельность, удалена отъ взоровъ общества, результаты ея
выказываются не скоро и замѣчаются не многими, рѣже всего са
мимъ воспитателемъ; однообразіе же ея способно усыпить умъ
пріучить его къ безсознательности».

Въ другой статьѣ («О народности въ общественномъ воспи
таніи»), появившейся также въ 1857 году и въ томъ же журналѣ
Ушинскій разъяснилъ общія историческія основы европейскаго
воспитанія, очертилъ положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у
всѣхъ культурныхъ народовъ, отмѣтивъ при этомъ наиболѣе ха
рактерныя особенности его въ разныхъ странахъ. Въ третьей
статьѣ—«Три элемента школы» («Воспитаніе», 1858 г., т. I)—он
опредѣлилъ ближайшія задачи русскаго школьнаго дѣла, неразрыв
ность воспитанія и обученія, общественное и государственное зна
ченіе школы.

Мы остановились на этихъ трехъ первыхъ крупнѣйшихъ педа
гогическо-литературныхъ статьяхъ Ушинскаго, потому что онѣ
даютъ понятіе о той почетной роли, которую онъ сразу занялъ,
ставъ во главѣ русскаго педагогическаго движенія со второй поло
вины 50-хъ годовъ. Онъ осмыслилъ это движеніе, былъ истолко
вателемъ и руководителемъ его, далъ тонъ и направленіе печати
и обществу въ ихъ стремленіи къ улучшенію, правильнѣе—пере
созданію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи.

Одно это уже, не говоря о послѣдующихъ заслугахъ, въ зна

ительной мѣрѣ оправдываетъ названіе его «отцомъ русской педаго-ги». Даже теперь, почти въ сорокалѣтней уже дали прошлаго, основы учебно-воспитательнаго дѣла, установленныя Ушинскимъ, не только не утратили своей новизны, но требуютъ какъ можно болѣе часто-го и настойчиваго напоминанія о нихъ. Ничто такъ сильно не мѣ-шаетъ у насъ успѣху школьнаго дѣла вообще, какъ именно забвеніе о тѣхъ великихъ началахъ, которыя такъ талантливо были выска-заны Ушинскимъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ, такъ сильно ожи-вили общество и трезво направили его.

Названіе Ушинскаго «отцомъ русской педагогіи» особенно спра-ведливо потому, что ему первому принадлежитъ мысль о раціо-нальной русской начальной школѣ. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда и помина не было о русской народной школѣ въ нынѣшнемъ ея значеніи, Ушинскій занимался уже составленіемъ книги для первоначальнаго чтенія, «Дѣтскаго Міра», имѣя, слѣдовательно, передъ собою опредѣленный идеалъ, которому должно удовлетворять начальное обученіе. Такимъ образомъ въ Ушинскомъ одновременно опредѣлялась дѣятельность педагога-практика и педагога-теорети-ка—на строго-научныхъ, философскихъ основаніяхъ.

V.

Блестящій успѣхъ и жестокій ударъ.

Назначеніе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. — Коренное преобразованіе института. — Педагогическій кружокъ Ушинскаго и его куль-турное значеніе въ дѣлѣ русскаго воспитанія и обученія вообще. — Апогей педагогической славы Ушинскаго и завистники. — Клеветническій доносъ и по-бѣдоносное отраженіе его. — Оставленіе Ушинскимъ должности инспектора.

Педагогическая литературная дѣятельность Ушинскаго, а также и блестящіе успѣхи руководимаго имъ Гатчинскаго института обра-тили на него особенное вниманіе бывшаго тогда министромъ народ-наго просвѣщенія Норова, по рекомендаціи извѣстнаго профессора и академика А. В. Никитенко, преподававшаго въ Смольномъ инсти-тутѣ. Въ 1859 году Ушинскій, при ихъ энергическомъ содѣйствіи, получилъ назначеніе на должность инспектора классовъ обоихъ от-дѣленій Смольнаго института—«благородной и неблагородной поло-винъ Смольнаго монастыря», какъ называли тогда институтъ, съ бывшимъ при немъ Александровскимъ училищемъ.

Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ обширнаго закрытаго женскаго учебнаго заведенія, въ которомъ обучалось не менѣе 700 дѣвицъ, было вызвано сознанной правительствомъ потребностью реформировать это обширное учебное заведеніе, въ видахъ расширенія умственнаго развитія и образованія женщинъ, сообразно ощущавшимся въ то время потребностямъ. Дѣйствительно, Смольный институтъ представлялъ какой-то изумительный анахронизмъ. Въ самомъ институтѣ былъ 9-ти-лѣтній курсъ ученія, при 3-хъ классахъ; въ Александровскомъ же училищѣ при немъ—шестилѣтній курсъ, съ двумя классами. По окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанницы въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій классъ, хотя бы между ними были и недостаточно подготовленныя, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять воспитанницу въ одномъ классѣ на 6 лѣтъ, т. е. иначе—увеличивать продолжительность обученія до 12-ти, 15-ти лѣтъ и т. д. Вслѣдствіе этого, малоуспѣвшія въ низшемъ классѣ, въ старшемъ успѣвали еще менѣе и, въ концѣ концовъ, окончивъ полный курсъ ученія, выходили изъ заведенія рѣшительно безъ всякихъ знаній. Положимъ, для болѣе слабыхъ, не успѣвающихъ ученицъ устраивались особыя параллельныя отдѣленія; но эти отдѣленія, не исправляя малоуспѣшности, только прибавляли къ ней оскорбленіе достоинства учащихся. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ; учащихся не отпускали къ роднымъ не только по большимъ праздникамъ, но даже на лѣтнія, рождественскія и пасхальныя каникулы. Втеченіи девятилѣтняго пребыванія въ институтѣ онѣ были безусловно оторваны отъ родныхъ семействъ. Время ученія ихъ равносильно было заточенію, и названіе института «монастыремъ» имѣло значительную долю основанія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло при назначеніи Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. Въ ту пору институты были единственными разсадниками средняго образованія женщинъ въ Россіи. Маленькія женскія духовныя училища при женскихъ монастыряхъ, пансіоны для «благородныхъ дѣвицъ»—едва ли даже можно принимать въ разсчетъ. Тѣ и другіе были слишкомъ далеки отъ типа общеобразовательныхъ заведеній: въ первыхъ преобладалъ религіозный и даже монашескій элементъ; во вторыхъ дѣло сводилось къ простой дрессировкѣ — обученію танцамъ, музыкѣ и кое-какимъ верхушкамъ изъ новыхъ языковъ.

Вообще женщинъ въ то время учили «чему нибудь и какъ нибудь», но меньше всего — наукамъ. Во всѣхъ, частныхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая конечно институтовъ

мстодическое, систематическое образованіе женщинъ считалось даже вреднымъ для нихъ и въ моральномъ, и въ физическомъ отношеніи. Западная Европа также не могла дать никакихъ указаній въ отношеніи организаціи и постановки образованія женщинъ, потому что оно тамъ было почти на такой же низкой степени, какъ и у насъ, въ Россіи.

Но это нисколько не мѣшало Ушинскому имѣть твердый, ясный, опредѣленный взглядъ на задачи и потребности образованія и воспитанія русскихъ женщинъ. Взглядъ этотъ проистекалъ изъ пониманія имъ важной и отвѣтственной роли женщины, какъ активнаго члена семьи и общества. Поэтому именно онъ съ восторгомъ принялъ предложенный ему постъ инспектора Смольнаго института и съ необычайной энергіей взялся за коренное преобразованіе его.

Девятилѣтній срокъ ученія былъ сокращенъ въ семилѣтній, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Обѣ половины Смольнаго института, т. е. «благородная» и неблагородная», сравнены въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія. Самому преподаванію, ведшемуся прежде формально, отрывочно, поверхностно, приданъ серьезный и систематическій характеръ. Въ младшихъ, напримѣръ, классахъ введено наглядное обученіе, причемъ родной языкъ положенъ въ основу образованія, не въ формѣ конечно отупляющаго грамматизма, а какъ живой предметъ, способствующій разностороннему развитію учащихся. Оживлено преподаваніе русской и всеобщей исторій. Значительное развитіе получило преподаваніе естествознанія и географіи. Безцвѣтное преподаваніе математики, традиціонно признававшейся скучнымъ предметомъ, недоступнымъ для женскаго ума, впервые было поставлено у насъ, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ средствъ для укрѣпленія и развитія логическаго мышленія. Безжизненная риторика и піитика были замѣнены классными разборами самыхъ художественныхъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и уже на основаніи такихъ разборовъ дѣлались теоретическіе выводы. Въ старшемъ же классѣ очень видная роль была отведена исторіи отечественной литературы, какъ особенно благородному предмету въ дѣлѣ развитія вообще и облагороженія эстетическаго чувства въ частности. Кромѣ того положено было начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся основательно знакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ. Курсъ этого класса двухлѣтній: первый годъ—теоретическій, второй—для практическаго преподаванія самими ученицами, подъ руководствомъ учителей, въ особо сформированномъ для того элементарномъ классѣ.

Короче сказать, отъ прежняго безжизненнаго, безсодержательнаго Смольнаго института осталось лишь одно названіе: его замѣнило живое, осмысленное учебное заведеніе, съ кипучею образовательно-воспитательною дѣятельностью.

Имѣя лишь санкцію начальства на реформированіе учебно-воспитательной части института въ извѣстномъ направленіи, Ушинскій не могъ имѣть никакихъ детальныхъ указаній, такъ какъ въ ту пору разработка вообще учебныхъ программъ, а тѣмъ болѣе въ отношеніи совсѣмъ не существовавшихъ еще женскихъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній — была дѣломъ непочатымъ. Такимъ образомъ Ушинскому пришлось быть иниціаторомъ въ установленіи какъ общей программы преподаванія, такъ и распредѣленія предметовъ по классамъ. И это было сдѣлано такъ умѣло, предусмотрительно, что выработанная имъ общая программа и распредѣленіе предметовъ по классамъ и до сихъ поръ остаются, въ основныхъ чертахъ, во всѣхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ виду этого, К. Д. Ушинскаго вмѣстѣ съ Н. А. Вышнеградскимъ, осуществившимъ около того же времени *великій проэктъ* учрежденія женскихъ гимназій, вполнѣ справедливо можно назвать основателями нынѣшняго средняго образованія русскихъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи Россія опередила было Западную Европу почти на четверть вѣка, но въ настоящее время—увы!—далеко отстала отъ нея въ дѣлѣ развитія и распространенія систематическаго общаго средняго образованія въ женскомъ населеніи.

Пересозданіе института, или иначе — организація совсѣмъ по вой системы образованія женщинъ, на невѣдомыхъ раньше основаніяхъ, было выполнено Ушинскимъ въ трехлѣтній срокъ. Иниціатором, душою и творцомъ этой важной работы былъ Ушинскій, беззавѣтно отдавшійся новому дѣлу, понимая выдающееся государственное его значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ просвѣщенія русскихъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе замѣчательному успѣху работы чрезвычайно благопріятствовала особенность той эпохи, отличавшейся удивительной чуткостью, отзывчивостью общества ко всему новому, живому, разумному и полезному, моментально выдѣлявшему изъ своей среды свѣдущихъ, даровитыхъ, преданныхъ дѣлу исполнителей. Разъ только являлась свѣтлая, здравая идея,—она немедленно находила умѣлыхъ исполнителей. И чѣмъ выше была идея, тѣмъ самоотверженнѣе исполнители.

Такіе именно исполнители и окружали К. Д. Ушинскаго. Уже въ 1860 году, т. е. черезъ годъ послѣ вступленія его въ Смольный

институтъ, когда успѣлъ опредѣлиться характеръ предпринятыхъ имъ реформъ, около Ушинскаго сгруппировался кружокъ свѣжихъ, молодыхъ педагоговъ, имена которыхъ пользуются въ настоящее время общею извѣстностью. Въ составъ этого кружка входили: В. О. Буссе, В. П. Водовозовъ, священ. Головинъ, Дестуннсъ, баронъ М. О. Косинскій, Лемеки, В. П. Лядовъ, Массонъ, О. Ѳ. Миллеръ, Л. Н. Модзалевскій, А. П. Павловскій, Я. П. Пугачевскій, Раевскій, М. П. Семевскій, Д. Д. Семеновъ и другіе. Многіе изъ нихъ сошли уже въ могилу, оставивъ по себѣ признательную память и очень почтенныя педагогическія сочиненія.

Значительная часть этого блестящаго педагогическаго персонала была получена Ушинскимъ изъ только-что основанной, по сосѣдству со Смольнымъ институтомъ, первой, по времени открытія въ Петербургѣ, ежедневной безплатной Таврической школы. Она была устроена молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. О. Косинскимъ, энтузіастомъ-педагогомъ, даровитымъ преподавателемъ математики, много и съ пользой потрудившимся надъ разработкой методики математическихъ наукъ.

Самая эпоха возрожденія и обновленія Россіи, когда сущность торжествовала во всемъ надъ бездушною формою, не мало благопріятствовала такому замѣчательному подбору преподавателей. Облеченный обширными полномочіями и высокимъ довѣріемъ предержащихъ властей, Ушинскій не останавливался въ привлеченіи къ педагогической дѣятельности несомнѣнно даровитыхъ людей, у которыхъ однако не оказывалось установленныхъ на этотъ предметъ офиціальныхъ дипломовъ. Такъ, съ большою пользою для дѣла, но въ обходъ формализма, имъ были приглашены молодые офицеры: инженеръ баронъ М. О. Косинскій—преподавателемъ математики и артиллеристъ М. П. Семевскій—преподавателемъ исторіи. Оба они оказались не только превосходными преподавателями, но не мало потрудились впослѣдствіи и на болѣе широкомъ общественномъ педагогическомъ поприщѣ, Семевскій же еще и на литературномъ, какъ издатель «Русской Старины». Кромѣ того Ушинскій пригласилъ было преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ института и извѣстнаго писателя Н. Г. Помяловскаго, очень выгодно зарекомендовавшаго себя въ качествѣ учителя въ безплатной Шлиссельбургской воскресной школѣ для дѣтей рабочихъ. Помяловскій однако, давъ нѣсколько очень удачныхъ пробныхъ уроковъ въ институтѣ, отказался отъ штатнаго мѣста преподавателя, не чувствуя въ себѣ достаточно склонности къ спеціальной педагогической дѣятельности.

Дружественнымъ, единодушнымъ кружкомъ были сомкнуты преподаватели около Ушинскаго. Всѣхъ привлекали высокія умственныя и нравственныя качества даровитаго, энергическаго руководителя, державшагося однако на товарищеской ногѣ. Здѣсь все дѣлалось сообща, подвергалось дружному, одушевленному обсужденію.

На весь Петербургъ славились педагогическіе четверги Ушинскаго. Въ маленькій флигелекъ Смольнаго монастыря, находившагося въ то время довольно далеко за городскою чертою, въ небольшую, уютную квартиру Ушинскаго еженедѣльно собирались не только друзья его и помощники-сослуживцы по институту, но и всѣ, кто живо интересовался педагогическими вопросами. Интересоваться же дѣйствительно было чѣмъ,—было чему учиться. Тутъ можно было узнать все, что есть новаго и выдающагося въ педагогической области, по части взглядовъ, методовъ и системъ преподаванія. Тутъ же, въ общей бесѣдѣ и оживленныхъ спорахъ, намѣчались, обсуждались, вырабатывались новыя программы и планы преподаванія, проэктировались разныя измѣненія и улучшенія.

Эти четверги сплачивали петербургскую педагогическую семью и вдохновляли ее на живую, плодотворную работу. Не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго по институту, но и для многихъ другихъ, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія, эти педагогическія собранія имѣли значеніе педагогической школы, въ нѣкоторомъ родѣ *педагогіума*. И у самого Ушинскаго, и у ближайшихъ его друзей и сослуживцевъ, и у лицъ посторонихъ, случайно попадавшихъ сюда, зарождались идеи и созрѣвали планы цѣлыхъ педагогическихъ трудовъ. На этихъ именно сборищахъ Ушинскій подвергалъ обсужденію и программу, и исполненіе «Дѣтскаго Міра», задуманнаго еще въ Гатчинѣ, надъ обработкой котораго онъ трудился теперь среди массы другихъ многосложныхъ своихъ обязанностей,

Благотворное вліяніе педагогическихъ собраній Ушинскаго не ограничивалось замкнутымъ педагогическимъ кружкомъ, но имѣло болѣе широкое общественное значеніе. Трезвые педагогическіе взгляды и понятія разносились по всему Петербургу и, отражаясь въ печати, распространялись съ большею или меньшею полнотою по всей Россіи.

Послѣ двухлѣтней работы подъ управленіемъ Ушинскаго Смольный институтъ, нисколько не интересовавшій прежде столичнаго общества, вызывавшій только нелѣпѣйшія легенды, по причинѣ своей замкнутости и рутины, вдругъ сталъ предметомъ большого

вниманія со стороны всего интеллигентнаго столичнаго общества. О новой, разумной жизни этого учебнаго заведенія, о происходящихъ и подготовляющихся тамъ капитальныхъ реформахъ громко говорила печать. Представители разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, родители и родственники ученицъ, люди педагогической профессіи массами стремились въ институтъ, чтобы послушать уроки, о которыхъ говорилъ весь Петербургъ. И то, что они видѣли тамъ, приводило ихъ въ изумленіе и восторгъ.

Ученицы обоихъ отдѣленій Смольнаго института и всѣхъ классовъ, отъ старшаго до самаго младшаго, не только не тяготились ученіемъ, не называли его «противнымъ», какъ это было прежде, а напротивъ съ уваженіемъ относились къ нему, были явно увлечены занятіями, обнаруживая большую любовь къ труду. Между ученицами и учащими были хорошія, простыя, естественныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи, довѣріи и доброжелательствѣ. Авторитетъ преподавателей, особенно же Ушинскаго, былъ очень великъ въ глазахъ учащихся. Родители и родственники, въ глаза и за глаза, на словахъ и въ письмахъ, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя въ ученицахъ не свѣтскихъ куколъ, не кисейныхъ барышень, а разумныхъ, развитыхъ дѣвушекъ, со здравыми взглядами, понятіями и сужденіями.

На всю Россію гремѣло имя К. Д. Ушинскаго, какъ умнаго, энергическаго, талантливаго реформатора-педагога. Славѣ Ушинскаго особенно много способствовало увлекательное преподаваніе имъ педагогики и дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго института. Вообще талантливый преподаватель и блестящій ораторъ, онъ вкладывалъ всю свою душу въ преподаваніе этого предмета, чтобы разъяснить своимъ ученицамъ, готовящимся вступить въ жизнь, великое назначеніе женщины, какъ матери, жены, разумнаго активнаго члена общества и всей государственной семьи.

Бывшія ученицы Ушинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ теперь въ томъ же Смольномъ институтѣ дочерей и даже внучекъ, съ юношескимъ восторгомъ и слезами благодарности вспоминаютъ объ этихъ прекрасныхъ урокахъ своего учителя. Онѣ свидѣтельствуютъ, что великіе завѣты учителя освѣщали имъ жизненный путь, поддерживали ихъ, руководили ими до преклонныхъ лѣтъ.

Благодаря именно нравственному обаянію личности Ушинскаго, голосъ его пользовался большимъ авторитетомъ и въ самыхъ высшихъ сферахъ. Ему, напримѣръ, поручено было письменно изложить свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола.

Въ эту пору наибольшаго расцвѣта педагогическаго дарованія

и дѣятельности Ушинскаго вышла въ свѣтъ книга его — «Дѣтскій Міръ», сразу давшая ему общерусскую извѣстность. Съ большими сомнѣніями и колебаніями относился Ушинскій къ этому своему труду, отнявшему у него около трехъ лѣтъ. Строгій къ другимъ, онъ былъ безпощадно суровъ къ самому себѣ. Такъ какъ книга эта не удовлетворяла тѣмъ замысламъ, которые назрѣли уже у него въ это время относительно послѣдующихъ педагогическихъ работъ, вскорѣ же выполненныхъ имъ, то онъ и не рѣшался издавать «Дѣтскаго Міра». И только уступая настоятельнымъ совѣтамъ и просьбамъ своихъ друзей, или правильнѣе—кружка помощниковъ по институту, онъ рѣшился выпустить эту книгу въ количествѣ 3,600 экземпляровъ. Но «Дѣтскій Міръ» сразу же сдѣлался классною книгою во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что въ первомъ же году выхода его потребовалось два новыхъ изданія.

Къ концу третьяго года пребыванія Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ, т. е. къ исходу 1861 года, слава Ушинскаго, значеніе и вліяніе его, какъ передового русскаго педагога, достигли своего апогея. Но апогея достигла также и зависть къ Ушинскому. Та тысячеглавая гидра, которая смотритъ на педагогическое дѣло, какъ на ремесло и средство къ выслугѣ, съ тревогой и ненавистью слѣдила за возвышеніемъ Ушинскаго, за возрастаніемъ общественнаго его вліянія — и клеветала на него. И чѣмъ больше разрасталась слава Ушинскаго, тѣмъ болѣе ширилась клевета его завистниковъ.

Такое громадное дѣло, какъ созданіе совсѣмъ новой у насъ системы женскаго образованія и оживленіе всего вообще педагогическаго дѣла въ Россіи, было достигнуто Ушинскимъ, только благодаря личной его энергіи и таланту и при содѣйствіи ближайшихъ его помощниковъ, безусловно сочувствовавшихъ ему во всемъ и шедшихъ на помощь во всѣхъ его разумныхъ начинаніяхъ. А затѣмъ въ остальныхъ окружавшихъ его и такъ или иначе причастныхъ дѣлу приходилось встрѣчать закоренѣлыхъ, безнадежныхъ приверженцевъ отжившей рутины. Изъ многочисленнаго, напримѣръ, женскаго персонала института, за исключеніемъ лишь двухъ инспектрисъ: Е. Н. Обручевой и А. К. Сентъ-Илеръ, остальныя не только не сочувствовали преобразовательной дѣятельности Ушинскаго, но, тайно или явно, стояли даже на сторонѣ его враговъ.

Короче говоря, въ преобразованіи института, или иначе — въ созиданіи новаго у насъ типа средняго образованія женщинъ, приходилось идти на-проломъ, каждый шагъ брать съ боя. Это была безпрерывная, продолжавшаяся почти ежеминутно борьба новыхъ

разумныхъ началъ воспитанія и обученія съ заскорузлой рутиной. Въ виду этого, блестящая повидимому роль Ушинскаго въ качествѣ преобразователя института въ сущности была тяжкимъ бременемъ, переполнявшимъ его жизнь безпрерывными тревогами, волненіями, непріятностями и разнаго рода столкновеніями, крупными и мелкими, то съ властными міра сего, то съ подчиненными. Отъ него, какъ главы и руководителя дѣла, помимо гигантской энергіи, требовалось, можно сказать, полное самозабвеніе, даже самопожертвованіе за высшіе духовные интересы тѣхъ сотень русскихъ дѣвушекъ, образованіе и воспитаніе которыхъ было ввѣрено ему.

Трудъ Ушинскаго по институту — трудъ самоотверженный въ полномъ смыслѣ слова. Потому то онъ и успѣлъ сдѣлать такъ много въ трехлѣтній срокъ, что сотрудники его видѣли въ немъ самозабвеніе, готовность на самопожертвованіе во имя великой идеи — насажденія раціональнаго средняго образованія женщинъ въ Россіи. Всѣмъ было ясно, какъ много Ушинскій беретъ на себя, предпринимая разныя нововведенія исключительно за свой страхъ и рискъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что сначала производилось самое улучшеніе и потомъ уже наступала окончательная санкція его. Этого крайне неудобнаго и рискованнаго порядка по необходимости приходилось держаться, въ виду новизны дѣла, чтобы не пугать ширью и смѣлостью нововведеній. Вѣра Ушинскаго въ свое дѣло, беззавѣтная преданность ему заражала, электризовала окружавшій его педагогическій персоналъ,—и новое дѣло ширилось, росло, преуспѣвало—наперекоръ мертвой рутинѣ.

Но за то росли также зависть, ненависть, вражда къ Ушинскому со стороны слѣпыхъ приверженцевъ старины. Можно сказать, что почти одновременно со вступленіемъ Ушинскаго въ институтъ начались безпрерывные доносы на него. Этого безкорыстнаго человѣка, безупречной честности, убѣжденно-вѣрующаго, патріота въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова—обвиняли во всевозможныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, даже въ неблагонадежности. Въ числѣ этихъ клеветниковъ-доносчиковъ были между прочимъ и лица, стоявшія у того же дѣла и долженствовавшія имѣть своимъ девизомъ любовь къ ближнему и самое высокое христіанское смиреніе.

Пастойчиво, энергически добиваясь опредѣленной цѣли, не поступаясь ни въ чемъ своими убѣжденіями, не имѣя обыкновенія ладить съ дрянными самолюбійцами и обходить ихъ, Ушинскій въ концѣ концовъ создалъ себѣ къ началу 1862 г. такую массу сильныхъ враговъ, что не только вынужденъ былъ оставить инспекторство, но даже и оправдываться въ клеветническихъ доносахъ на него.

Словно громомъ пораженный въ самое сердце, Ушинскій вте-
ченіи нѣсколькихъ сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писалъ сво
оправданіе. Ему нисколько не страшно было конечно, что гнусна
клевета-доносъ сплела на него цѣлый рядъ самыхъ тяжкихъ обви-
неній, грозившихъ даже гибелью ему и его семьѣ; но ему нестер-
пимо больно и обидно было то, что, несмотря даже на высокое по-
ложеніе и довѣріе, приходится отписываться въ томъ, чего онъ н
только никогда не дѣлалъ, но даже и не могъ дѣлать по своему обра-
зованію, убѣжденіямъ, общественному положенію и открыто проно-
вѣдуемымъ взглядамъ.

Отписка Ушинскаго въ сущности была не оправданіемъ, а кри-
комъ негодованія, воплемъ, протестомъ противъ нелѣпости взводи-
мыхъ на него обвиненій, — противъ наглаго посягательства на ег
честь и доброе имя. Онъ въ пухъ и прахъ разбилъ клеветническіе
извѣты своихъ доносчиковъ, унизилъ, опозорилъ ихъ; но вмѣст
съ тѣмъ разбилъ также и свое здоровье. Нервный, раздражитель-
ный, онъ слишкомъ горячо принялъ къ сердцу нанесенное ему оскор
бленіе. Садясь за отписку бодрымъ и здоровымъ, онъ всталъ изъ-з
нея посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью...

Вѣроятно на это главнымъ образомъ и былъ разсчитанъ низ-
кій клеветническій доносъ, такъ какъ все безупречное прошло
Ушинскаго, шедшаго всегда прямо, открыто, имѣвшаго обыкнове-
ніе говорить всѣмъ, что онъ думаетъ, дѣйствительно не поддавалос
тайнымъ доносамъ.

Императрица Марія Александровна, лично знавшая Ушинскаг
съ самой безупречной стороны и очень цѣнившая его, какъ чело
вѣка даровитаго, выдающагося, съ негодованіемъ отвергла казуи-
стическіе подходы клеветниковъ, принявъ знаменитаго русскаго пе
дагога подъ свое высокое покровительство. По разнымъ соображе-
ніямъ чисто формальнаго свойства, признано было неудобнымъ продол-
жать Ушинскому инспекторскую дѣятельность. Онъ былъ причислен
къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставле-
ніемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку.

Такъ неожиданно пресѣклась безпримѣрно плодотворная у нас
оффиціальная педагогическая дѣятельность Ушинскаго, въ пору пол-
наго расцвѣта и апогея ея. А какъ много добра и пользы сулил
юному, только-что слагавшемуся русскому педагогическому дѣл
дальнѣйшее оставленіе Ушинскаго на прежнемъ мѣстѣ!..

Своей чуткой душой онъ предугадывалъ стремленіе русских
женщинъ къ высшему образованію. За сдѣланными уже преобразо-

ваніями, онъ мечталъ о рядѣ послѣдующихъ, чтобы поставить общеобразовательный курсъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній на одномъ уровнѣ съ мужскими. Положивъ начало спеціальному педагогическому образованію женщинъ, онъ подумывалъ и о другихъ средствахъ, чтобы облегчить образованнымъ русскимъ женщинамъ переходъ къ инымъ родамъ трудовой дѣятельности. Эти смѣлые, широкіе замыслы, съ которыми Ушинскій подходилъ къ дѣлу болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, остаются въ области проблемъ и до нашихъ дней.

Враги Ушинскаго торжествовали побѣду, но совершенно неосновательно. Правда, со сцены сошелъ реформаторъ, но не погибла самая реформа. Всѣ нововведенія Ушинскаго не только были сохранены въ Смольномъ институтѣ, но и получили распространеніе на другіе женскіе институты имперіи. Именно по мысли Ушинскаго, хотя уже и послѣ его ухода (12-го апрѣля 1862 года), было разрѣшено отпускать воспитанницъ институтовъ къ роднымъ на каникулы и большіе праздники. Это значительно парализовало прежнюю оторванность институтокъ отъ родного дома и окончательно уничтожило крайне вредную институтскую замкнутость и изолированность, порождавшую совершенно превратныя, фантастическія представленія о дѣйствительной жизни.

Короче говоря, длинный рядъ поколѣній русскихъ женщинъ, прошедшихъ черезъ институты съ начала 60-хъ годовъ, исключительно Ушинскому обязанъ лучшими условіями образованія и воспитанія, направленными главнымъ образомъ къ уничтоженію физическаго и нравственнаго порабощенія женщинъ, на которое обрекала большинство ихъ прежняя институтская система воспитанія.

Велика заслуга Ушинскаго въ этомъ отношеніи, но велика-же и жертва съ его стороны. Дорого заплатилъ онъ за такой успѣхъ дѣла: онъ купилъ его почти цѣною собственной жизни!..

VI.

Научно-педагогическая дѣятельность.

Редактированіе К. Д. Ушинскимъ «Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія» и причины отказа отъ редакторства. —Пребываніе за-границей; сближеніе съ Н. И. Пироговымъ.—«Педагогическая поѣздка по Швейцаріи»; значеніе его «Писемъ» для русскаго школьнаго дѣла.—«Родное слово», его особенности и значеніе.—«Педагогическая антропологія», какъ трудъ единственный въ педагогической литературѣ.—Особенное вниманіе и довѣріе къ Ушинскому.

Въ то самое время, когда въ одномъ вѣдомствѣ Ушинскаго забрасывали доносами, какъ ненавистнаго реформатора, мѣшавшаго

тунеядцамъ-рутинерамъ жить спокойно и будившаго ихъ къ раз
умной дѣятельности, въ другомъ учебномъ вѣдомствѣ, министер
ствѣ народнаго просвѣщенія, дѣятельность Ушинскаго цѣнили очен
высоко. Въ 1860 году, т. е. еще въ бытность Ушинскаго инспек
торомъ Смольнаго института, состоявшій въ то время министром
народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ задумалъ кореннымъ обра
зомъ преобразовать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣще
нія». Въ виду наступившихъ реформъ въ области просвѣщенія, ми
нистръ желалъ сдѣлать названный журналъ органомъ разработки
обсужденія и разъясненія всѣхъ вообще педагогическихъ вопро
совъ. Выборъ министра палъ на Ушинскаго, какъ единственно под
ходящаго для этой цѣли редактора,—и онъ вполнѣ оправдалъ воз
лагавшіяся на него надежны.

Вносить жизнь вездѣ, гдѣ Ушинскій прилагалъ свой трудъ,—
было особенностью его даровитой энергической натуры. Создавъ
изъ безжизненнаго Смольнаго «монастыря» живое учебно-воспита
тельное заведеніе, въ которомъ и учащіе, и учащіяся съ увлече
ніемъ отдавались труду, Ушинскій сдѣлалъ то же и съ «Журн. Мин
Народн. Просвѣщенія». Съ половины 1860 года этотъ журналъ, быв
шій прежде сухимъ, оффиціальнымъ сборникомъ правительствен
ныхъ распоряженій и случайныхъ спеціальныхъ статей о предме
тахъ, никого не интересующихъ,—совершенно преобразился, за
нявъ видное мѣсто, какъ чуткій, отзывчивый педагогическій жур
налъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ по всѣмъ очереднымъ
вопросамъ и текущимъ событіямъ въ области просвѣщенія. Печат
стала считаться съ мнѣніями безвѣстнаго, безличнаго прежде жур
нала. Общество начало прислушиваться къ нему. Для непосред
ственныхъ же дѣятелей по министерству просвѣщенія журналъ
былъ незамѣнимымъ истолкователемъ очередныхъ вопросовъ, за
дачъ, цѣлей и средствъ къ осуществленію ихъ.

Особенно выдѣлялись въ журналѣ статьи самого Ушинскаго
обращавшія на себя большое вниманіе общества и возбудившія про
должительные дебаты въ печати. Въ видѣ примѣра, остановимся
лишь на слѣдующихъ его статьяхъ.

«Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи»—
это блестящій философско-педагогическій трактатъ. Рядомъ фак
товъ и положеній Ушинскій доказалъ въ немъ, что «безъ личнаго
труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на
одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ». Трудъ сдѣлался «довер
шительнымъ закономъ человѣческой природы, тѣлесной и духовной,
и человѣческой жизни на землѣ, отдѣльной и въ обществѣ, необхо-

нымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, его человѣческаго достоинства, его свободы и наконецъ его наслажденій и его счастья».

Другая его статья—«О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»—посвящена жгучему вопросу, не утратившему, къ несчастію, своей остроты и до нашихъ дней: «почему у насъ людей нѣтъ?» Ушинскій видитъ разгадку этого вопроса главнымъ образомъ въ недостаткахъ нашего воспитанія. «Одного ума и однихъ познаній — говоритъ онъ между прочимъ — еще недостаточно для укрѣпленія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который... связываетъ людей въ честное, дружное общество». «Вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ». Вообще въ статьѣ разъяснена необходимость высоко-гражданскаго направленія воспитанія, чтобы «чувство личности, эгоизма» не заглушало въ человѣкѣ «чувства общественности или, другими словами, нравственнаго чувства». Несомнѣнно, что при такой постановкѣ просвѣтительнаго дѣла въ странѣ не пришлось бы жаловаться на недостатокъ «людей».

Въ третьей статьѣ—«Проэктъ учительской семинаріи»—Ушинскій впервые знакомитъ русское общество съ задачами и назначеніемъ этихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, ихъ организаціею. Попутно разъясняя заслуги учительскихъ семинарій за-границей, онъ горячо ратуетъ за дѣятельное распространеніе этихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, выставляя насажденіе ихъ у насъ—дѣломъ первѣйшей и величайшей государственной важности.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, съ увѣренностью можно сказать, что, судя по характеру и направленію статей К. Д. Ушинскаго, какъ редактора, а также и въ виду общаго состава журнала, предпринятое А. В. Головнинымъ преобразованіе «Журнала Мин. Народн. Просвѣщенія» могло имѣть громадное вліяніе на успѣшный ходъ всѣхъ предстоявшихъ реформъ въ области просвѣщенія, на упроченіе сознательнаго отношенія къ нимъ какъ педагогической среды, такъ и всего русскаго общества. Но, къ сожалѣнію, Ушинскому не долго пришлось быть редакторомъ—лишь до ноября 1861 года.

Вступившій въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ задумалъ сдѣлать изъ журнала ученый сборникъ по всѣмъ наукамъ, нѣчто вродѣ пантеона всѣхъ наукъ. Не сочувствуя такому превращенію полезнаго и даже необходимаго пе-

дагогическаго органа печати, не считая себя способнымъ быть ре
дакторомъ такого ученаго энциклопедическаго журнала, Ушинск
отказался отъ редакторства, т. е. прекратилъ службу по мини
стерству просвѣщенія.

Это не мѣшало ему однако продолжать участвовать въ мини
стерскомъ журналѣ въ качествѣ сотрудника. Въ мартовской на
примѣръ книжкѣ за 1862 годъ онъ помѣстилъ обширную крити
ческую статью, подъ заглавіемъ «Педагогическія сочиненія Н. І
Пирогова». Восторженно относясь къ личности автора, горячо со
чувствуя воззрѣніямъ его на воспитаніе, Ушинскій однако довольн
сильно разошелся съ нимъ во взглядѣ на значеніе классическихъ
языковъ въ дѣлѣ образованія русскаго юношества. Въ противност
мнѣнію Н. И. Пирогова, Ушинскій горячо настаивалъ, что не чу
жіе языки, мертвые или живые, а непремѣнно свой родной языкъ
долженъ быть положенъ въ основу образованія, какъ одно изъ са
мыхъ лучшихъ и благородныхъ средствъ для духовнаго развитія
учащихся. Этому вопросу кромѣ того была посвящена Ушинским
особая статья въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія», подъ за
главіемъ «Родное Слово». Эту же мысль о выдающемся значеніи
родного языка въ образованіи и воспитаніи русскаго юношества
настойчиво проводилъ Ушинскій втеченіи многихъ лѣтъ и в
газетѣ «Голосъ». Наконецъ, свою мысль о значеніи родного языка
Ушинскій воплотилъ въ особомъ руководствѣ «Родное Слово»,
которомъ будетъ сказано ниже.

Въ маѣ 1862 года, переживъ извѣстную уже передрягу в
Смольномъ институтѣ, съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, Ушин
скій уѣхалъ съ семействомъ за-границу, получивъ отъ IV Отдѣленія
командировку ознакомиться съ положеніемъ образованія женщинъ
за-границей. Тамъ онъ провелъ пять лѣтъ, до 1867 года, живя
преимущественно въ Швейцаріи, близъ Веве, и въ Гейдельбергѣ
какъ сильномъ умственномъ центрѣ. Въ этомъ послѣднемъ пункт
онъ познакомился и тѣсно сблизился съ Н. И. Пироговымъ, къ ко
торому питалъ особенное расположеніе.

Не будучи напримѣръ еще знакомымъ съ Пироговымъ, никогда
встрѣчавшись съ нимъ, Ушинскій писалъ однако изъ Интерлакена
одному изъ своихъ знакомыхъ, проживавшему въ Гейдельбергѣ:
«Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ
часто съ нимъ видитесь: для него одного стоитъ переселиться на зим
въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человѣка, но едва-л
есть кто нибудь другой, кого я уважалъ бы болѣе». Ушинскій см
трѣлъ на Пирогова, какъ на высоко-нравственнаго человѣка, обще

ніе съ которымъ можетъ возвысить, укрѣпить и окрылить духъ ругого. Вотъ почему въ другомъ своемъ письмѣ изъ Гейдельберга въ говорилъ о Пироговѣ: «Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ еловѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло аши молодыя поколѣнія. Теперь наша молодежь смотритъ на этотъ бразъ—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Нужно замѣтить, что Ушинскій, несмотря на большую общительность, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень скупъ, чрезвычайно разборчивъ на дружбу, тѣсное сближеніе съ людьми. Въ Пироговѣ онъ чрезвычайно высоко ставилъ сочетаніе медицинскаго генія съ высокимъ педагогическимъ дарованіемъ и цѣльностью нравственной ичности, неспособностью на покладистость и сдѣлки со своею совѣстью. И Ушинскій былъ правъ, что его такъ манило въ Гейдельбергъ, къ Пирогову. Никто не въ состояніи былъ бы такъ быстро рѣшительно уврачевать мучительныхъ душевныхъ ранъ Ушинскаго, какъ сдѣлалъ это Пироговъ. Подъ вліяніемъ общенія и сближенія съ нимъ, Ушинскій быстро воспрянулъ и окрѣпъ духомъ,—ъ удвоенною энергіей и лихорадочною торопливостью принялся за аучную разработку, такъ сказать, основныхъ корней и вершинъ едагогическаго дѣла, что и послужило блестящимъ заключеніемъ лавной, безсмертной его литературно-педагогической дѣятельности.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій дѣятельно принялся за зученіе школьнаго ея устройства, главнымъ же образомъ—народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. Результатомъ этого изученія былъ рядъ его «Писемъ изъ Швейцаріи» (т. е. семь довольно объемистыхъ статей), печатаніе которыхъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи», началось съ конца 1862 года.

Большую пользу принесли эти «Письма» русскому обществу. азбирая положеніе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, Ушинскій этимъ амымъ освѣщалъ и разныя стороны нашего школьнаго дѣла, до законодательства включительно. Освѣщеніе это производило тѣмъ ольшее впечатлѣніе, что Ушинскій вовсе не восторгался школьнымъ дѣломъ въ Швейцаріи, а напротивъ серьезно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, разбиралъ его. Этимъ путемъ онъ очень удачно подчеркивалъ тѣ задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться родное наше школьное дѣло, и тѣ средства, которыми можно достигать намѣченныхъ цѣлей. Такимъ образомъ анализъ школьнаго дѣла въ

Швейцаріи былъ, такъ сказать, проникнутъ указаніями на потреб
ности и нужды отечественнаго образованія.

Въ каждомъ «Письмѣ», почти въ каждой строчкѣ «Письма
сама собою чувствуется забота и дума о родномъ нашемъ школьном
дѣлѣ. Дѣйствительно, въ эту пору душу Ушинскаго охватилъ му
чительный пламень любви и преданности къ дѣлу русскаго народ
наго образованія, только что зарождавшагося въ ту пору.

Объ этомъ между прочимъ даетъ особенно ясное понятіе ег
«Письмо седьмое» (Цюрихъ), посвященное характеристикѣ всѣх
осмотрѣнныхъ имъ учительскихъ семинарій въ разныхъ кантонах
Швейцаріи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ въ заключеніи этог
письма: «Возвращаясь въ Цюрихъ по берегу прекраснаго озера,
невольно соединилъ въ своемъ воспоминаніи всѣ четыре семинаріи
которыя видѣлъ, и не зналъ рѣшительно, которой изъ нихъ от
дать пальму первенства; всякая изъ нихъ имѣла свои хорошія
свои слабыя стороны. Но какъ онѣ различны, какъ въ каждой из
нихъ отразился свой особливый характеръ: семинарія Фрелиха ды
шетъ поэзіею; семинарія Рюга—строгою логикою и методой; семи
нарія Кеттигера—здоровьемъ сельской семейной жизни; семинарі
Фриса—наукой, современностью, яснымъ, спокойнымъ разсудком
и утилитаризмомъ... Можно по истинѣ удивляться, какъ всѣ эт
три кантона: бернскій, арговійскій и цюрихскій, выработали себ
свои особенныя, проникнутыя кантональнымъ характеромъ, семи
наріи и какъ они отыскали, каждый для своей семинаріи, таког
директора, который типически выражаетъ въ себѣ характеръ ка
тона и развиваетъ его въ своихъ воспитанникахъ... Боже мой!-
думалъ я про себя, вспомнивъ многія наши полу-иностранныя учеб
ныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя ру
скія воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ—такія же типиче
скія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной форм
когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ бла
городнѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели бу
дутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русска
народа!»

Понимая безотрадное положеніе народнаго образованія въ Ро
сіи, но лишенный возможности ринуться на родину для непосре
ственнаго, активнаго участія въ этомъ великомъ государственном
дѣлѣ, Ушинскій всячески старается разбудить въ русскомъ обще
ствѣ вниманіе къ народному образованію, вселить въ него надежд
и вѣру въ возможность свѣтлаго будущаго. Это усиліе Ушинскаг
словно крикъ наболѣвшей души, вылилось у него въ слѣдующи

трокахъ письма на родину: «Теперь именно настаетъ пора, когда оссіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, орошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе и вобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей ой пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги передъ. Школу, народную школу дайте Россіи,—и тогда, лѣтъ чезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, учшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! отовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому оприщу, которое васъ ожидаетъ»...

Подъ вліяніемъ новыхъ ощущеній, такъ сильно напоминавшихъ родномъ школьномъ дѣлѣ, Ушинскій дѣятельно принялся за составленіе ранѣе уже намѣченныхъ имъ книгъ для первоначальнаго бученія дѣтей, въ возрастѣ лѣтъ до 10, которыя и вышли въ свѣтъ ъ 1864 году подъ заглавіемъ «Родное Слово».

Ранѣе выпущенный имъ трудъ «Дѣтскій Міръ» (въ двухъ частяхъ) представлялъ собою книгу для класснаго чтенія. Назначеніе той книги— облегчить преподающимъ выборъ матеріала для чтенія, ответствующій и послѣдовательности въ усиленіи умственныхъ пражненій учащихся, и наглядному ознакомленію послѣднихъ съ редметами природы. Совершенно иное назначеніе имѣетъ «Родное лово». Это уже не книги для класснаго чтенія, а систематическое уководство для первоначальнаго обученія,—первое, по времени повленія въ Россіи, раціональное, строго методическое руководство въ й области обученія, остающееся единственнымъ въ своемъ родѣ незамѣнимымъ до сихъ поръ. Оно было задумано Ушинскимъ скорѣ же послѣ выхода въ свѣтъ «Дѣтскаго Міра», подъ вліяніемъ спѣховъ послѣдняго.

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на значеніе родного языка, акъ лучшаго средства для духовнаго развитія ребенка, Ушинскій ъ своемъ руководствѣ положилъ родной языкъ въ основу первочальнаго обученія и вокругъ него, въ тѣсной связи съ нимъ, руппируетъ остальные предметы обученія. Руководство его распреѣлено на части или отдѣльныя книги, по годамъ обученія. Первый одъ «Родного Слова» (книга первая) обнимаетъ собою «Азбуку». «Первую послѣ азбуки книгу для чтенія». Годъ второй (т. е. вторая книга «Родного Слова») представляетъ дальнѣйшую книгу для тенія, посвященную уясненію дѣтямъ домашняго и школьнаго быа, предметовъ окружающей природы, временъ года и проч.

Обѣ эти книги, на составленіе которыхъ было потрачено, въ

общей сложности, около четырехъ лѣтъ труда, вышли въ свѣт
одновременно (въ 1864 г.), а вслѣдъ за ними появилась и «Книжк
для учащихъ», т. е. руководство къ преподаванію по «Родном
Слову». Какъ заявилъ самъ Ушинскій въ своемъ «Руководствѣ к
преподаванію», его «Родное Слово» заключаетъ въ себѣ «много по
ваго какъ въ методѣ, такъ и въ пріемахъ ученія». Въ дѣйстви
тельности же трудъ его былъ безусловно новымъ не только въ на
шей, русской, но и въ міровой педагогической литературѣ, какъ п
общему замыслу, такъ и по исполненію.

«Написать первую книгу послѣ азбуки—скажемъ мы словам
Ушинскаго—едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ
Тѣмъ не менѣе онъ весьма удачно выполнилъ эту задачу. Сдѣлав
центромъ первоначальнаго обученія родной языкъ, Ушинскій по
степенно, держась строго индуктивнаго метода, знакомитъ дѣтей н
только съ тѣмъ, что имъ необходимо знать въ обиходѣ обыденно
жизни и окружающей природы, но также съ основаніями религіи
молитвами, грамотнымъ письмомъ, счетомъ и первоначальнымъ ри
сованіемъ. Всему этому придана въ «Родномъ Словѣ» такая форм
что пріобрѣтаніе новыхъ свѣдѣній дается ребенку безъ всякаго на
силія его природы: знанія какъ бы сами собою вливаются въ ре
бенка со страницъ разумной книги, гармонично укладываются в
его сознаніи, вызывая любознательность, пытливость и самодѣя
тельность въ учащемся.

Въ своемъ «Руководствѣ къ преподаванію» Ушинскій межд
прочимъ такъ опредѣляетъ назначеніе «Роднаго Слова». «Издавая
руководство для учащихся по «Родному Слову», я имѣлъ въ ви
не только школу, но и семью. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь ра
пространено домашнее первоначальное обученіе, и дай Богъ, чтоб
оно распространялось и улучшалось. Осмотрѣвъ множество заго
ничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, я вынесъ изъ этого осмот
полное убѣжденіе, что первоначальное воспитаніе и ученіе дѣте
по крайней мѣрѣ до 8-милѣтняго и даже до 10-тилѣтняго возраст
болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и что с
мая школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда о
вполнѣ проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа н
семью, чѣмъ на школу. Я нерѣдко любовался устройствомъ мал
лѣтнихъ школъ за-границею, но всегда находилъ дурнымъ, что о
избавляютъ отъ необходимости заниматься съ дѣтьми не только т
кихъ матерей, у которыхъ весь день поглощенъ личнымъ и тяж
лымъ трудомъ, но и такихъ, которыя очень могли бы посвятить
обученію своихъ малютокъ тѣ немногіе часы или, лучше сказат

минуты дня, какія для этого нужны. Съ удивленіемъ замѣтилъ я потомъ, что въ самой педагогической странѣ въ мірѣ вовсе не развиты въ женщинѣ тѣ педагогическія наклонности, которыя столь свойственны женской природѣ... Желалъ бы отъ всей души, чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ малолѣтнихъ школъ для дѣтей, не могущихъ, по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивались въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье—самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому, безъ крайней необходимости. Что женщинѣ врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ даны и необходимыя для этого способности,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И если многія матери, несмотря на все свое желаніе не разставаться рано со своими дѣтьми и учить ихъ самимъ, тѣмъ не менѣе поручаютъ это дѣло школѣ или чужимъ лицамъ, то это объясняется практическою неподготовленностью матерей къ дѣлу первоначальнаго обученія. Вотъ почему, назначая мой учебникъ не только для школы, но и для семьи, я счелъ необходимымъ приложить къ нему такое руководство для учащихъ, которое ведетъ ихъ шагъ за шагомъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія отечественному языку... Я въ этой книгѣ имѣлъ главною цѣлью—помочь начинающимъ учить и въ особенности облегчить для матери и сдѣлать для нея пріятнымъ трудъ первоначальнаго обученія».

Въ отношеніи послѣдующихъ частей «Родного Слова» Ушинскій имѣлъ такой планъ. Давши дѣтямъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Родного Слова» обильный матеріалъ для практическаго изученія русскаго языка, въ третьей части перейти къ грамматикѣ и другимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого первымъ отдѣломъ третьяго года явилась грамматика; второй отдѣлъ должна была составлять географія; третій—исторія; четвертый—ариѳметика. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала закончить такъ широко и дѣльно задуманный планъ практическаго руководства, долженствовавшаго обнять всю программу начальнаго образованія. Отвлеченный другой большой, важной и сложной работой, о которой будетъ сказано ниже, Ушинскій лишь черезъ шесть лѣтъ, т. е. въ 1870 году, выпустилъ первый отдѣлъ третьяго года «Родного Слова», т. е. грамматическій отдѣлъ, съ соотвѣтствующимъ руководствомъ для преподавателей.

Это — единственный у насъ опытъ нагляднаго, такъ сказать,

изложенія грамматики. Точно также и «Руководство къ преподаванію» этого отдѣла «Родного Слова» (т. е. практической грамматики) представляетъ единственный въ своемъ родѣ разборъ того произвола, безалаберщины и мертвечины, которая царитъ во всѣхъ принятыхъ и одобренныхъ для учебныхъ заведеній грамматикахъ русскаго языка. Ушинскій ставитъ такое правило въ основу осмысленнаго преподаванія русской грамматики: «Такъ какъ грамматика есть результатъ наблюденій человѣка надъ собственнымъ языкомъ, а не языкъ результатъ грамматики, то самый раціональный пріемъ изученія грамматики будетъ такой, при которомъ стараются обратить вниманіе дитяти на то, какъ онъ говоритъ, и только руководятъ его наблюденіемъ надъ тѣми грамматическими законами, которымъ онъ безсознательно подчиняется въ своей рѣчи, усвоенной подражаніемъ, но созданной самосознаніемъ. Руководство наставника при этомъ, безъ сомнѣнія, необходимо; предоставленное самому себѣ, дитя, конечно, не сдѣлаетъ никакихъ наблюденій надъ такимъ сложнымъ, обширнымъ и притомъ невидимымъ явленіемъ, какимъ представляется человѣческое слово во всей его исторической и логической организаціи. Но, при этомъ руководствѣ, должно, сколько возможно болѣе, оставлять самодѣятельности ученику».

Громадная, незамѣнимая потеря для нашей педагогической литературы, для всего учебно-воспитательнаго дѣла, что Ушинскому не удалось кончить остальныхъ отдѣловъ третьяго года «Родного Слова». Тѣмъ не менѣе выпущенными имъ частями «Родного Слова» онъ оказалъ неоцѣненную услугу всему дѣлу школьнаго и домашняго начальнаго образованія. Онъ первый у насъ, въ Россіи, истолковалъ эту сложную, труднѣйшую отрасль обученія, въ деталяхъ разъяснилъ её отъ азбуки до сознательной грамотности. Онъ создалъ разумную русскую начальную школу, разумное первоначальное обученіе — воспитывающее, образующее, облагораживающее умъ и чувство, вызывающее учащагося къ самообразованію, самоусовершенствованію.

Это—такая великая заслуга передъ отечествомъ, что если бы Ушинскій не прибавилъ болѣе ни одной строки къ своему «Родному Слову»,—одного этого труда было бы совершенно достаточно, чтобы обезсмертить его имя, какъ одного изъ талантливѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ въ мірѣ педагоговъ. Онъ изъялъ дѣло начальнаго обученія и воспитанія изъ произвольныхъ усмотрѣній гг. педагоговъ, водрузилъ его на философскихъ устояхъ и привилъ ему строго индуктивный методъ, какъ единственно возможный и безусловно обязательный на этой ступени образованія.

Но Ушинскій еще болѣе обезсмертилъ и прославилъ себя другимъ обширнымъ, капитальнымъ трудомъ: «Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи».

Одну изъ главныхъ задачъ заграничной его командировки составляло порученіе отъ IV Отдѣленія составить руководство по педагогіи. Порученіе это какъ нельзя болѣе отвѣчало давнимъ желаніямъ самого Ушинскаго и совпадало съ общимъ направленіемъ и характеромъ научно-педагогической его дѣятельности, посвященной разработкѣ основныхъ принциповъ и руководящихъ началъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Втеченіи пятилѣтняго пребыванія за-границей подготовка къ составленію «Педагогической антропологіи» преобладала надъ всѣми другими его занятіями. Совершенно своеобразно и очень умно отнесся Ушинскій къ возложенному на него порученію — написать обстоятельный курсъ педагогики. Онъ совершенно отрицалъ пользу руководствъ по педагогикѣ, въ смыслѣ голаго свода извѣстныхъ правилъ, безъ указанія ихъ основаній, безъ уясненія вообще человѣческой природы. Это—простая педагогическая рецептура, какую мы видимъ въ иностранныхъ педагогикахъ, особенно же въ нѣмецкихъ,—мало понятна и приложима къ дѣлу, открываетъ широкій просторъ ошибкамъ и произволу каждаго, соотвѣтственно степени личнаго невѣдѣнія, заблужденія въ отношеніи требованій и свойствъ природы учащагося, воспитываемаго юношества. Смотря на педагогику именно какъ на искусство, которому можно выучиться только на практикѣ, Ушинскій примѣнялъ къ ней то же требованіе, какъ и во врачебномъ дѣлѣ. Какъ невозможно быть хорошимъ врачемъ, изучивъ лишь какіе бы то ни было полные и совершенные лечебники, но безъ должныхъ познаній по анатоміи и физіологіи человѣка, точно также невозможно быть и сознательнымъ педагогомъ, не имѣя яснаго понятія о физической и духовной природѣ человѣка, насколько она изслѣдована, разъяснена современною наукою.

Значитъ, требуется прежде всего не руководство по педагогикѣ, въ смыслѣ учебника, собранія правилъ и положеній, а такая книга, которая помогала бы уясненію свойствъ человѣческой природы. Это тѣмъ болѣе необходимо по условіямъ русской педагогической дѣятельности, въ виду необычайной скудости въ нашей образованной средѣ познаній о физической и духовной природѣ человѣка, особенно же—философскихъ свѣдѣній и общедоступныхъ книгъ по этой части. Поэтому Ушинскій и задался цѣлью написать, какъ можно общедоступнѣе, спеціальную антропологическую книгу, которая бы заключала въ себѣ систематическое собраніе всѣхъ не-

обходимыхъ свѣдѣній о природѣ человѣка вообще. Для этого конечно необходимо было перечитать всѣхъ величайшихъ мыслителей и естествоиспытателей, отъ Аристотеля до Канта, Дарвина и Шопенгауэра, и затѣмъ уже сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующія выборки, чтобы получить одно связное цѣлое о томъ, что добыто наукою втеченіи длиннаго ряда вѣковъ о человѣческой природѣ.

На эту подготовительную работу ушло пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго за-границей. Перечитывая массу сочиненій великихъ ученыхъ, древнихъ и новыхъ, онъ дѣлалъ изъ нихъ выписки на особыхъ листахъ. Такимъ образомъ за пятилѣтіе у него образовался цѣлый багажъ сырого матеріала, съ которымъ онъ и явился въ Петербургѣ въ 1867 г., чтобы окончательно обработать его, свести въ одно цѣлое, связать одною общей идеею. Такъ какъ общій планъ работы давно уже былъ готовъ, то и выполненіе его не заставило себя долго ждать. Въ концѣ 1867 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ книги своей—«Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи», а въ 1869 г.—и 2-й томъ.

Такъ появилось двухтомное сочиненіе Ушинскаго, представляющее обширную и единственную въ міровой педагогической литературѣ популярную антропологическую энциклопедію. Этотъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу научную литературу имѣетъ незамѣнимое значеніе не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка, сколько нибудь интересующагося свойствами духовной и физической природы человѣка.

Кромѣ двухъ томовъ «Педагогической антропологіи», Ушинскій имѣлъ въ виду написать еще и третій томъ, посвященный приложенію теоретическихъ основаній воспитанія и обученія, изложенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ, къ педагогической практикѣ. Къ величайшему сожалѣнію, этотъ трудъ остался не оконченнымъ. Но тѣмъ не менѣе сохранились черновые рукописные наброски его, сохранился даже весь конспектъ полнаго (трехтомнаго) сочиненія «Педагогической антропологіи», какъ оно было задумано и подготовлено въ-чернѣ его авторомъ. Все это находится въ распоряженіи г-жи Ушинской, вдовы покойнаго, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не опубликовано.

Въ печати (въ брошюрѣ г. А. Фролкова) опубликована лишь программа третьяго, предполагавшагося, тома «Педагогической антропологіи». Эту, практическую, часть труда предполагалось посвятить «психическимъ явленіямъ высшаго порядка или явленіямъ духовнымъ». Считая отличительнымъ признакомъ этихъ явленій самосознаніе или разумность, какъ общій корень всѣхъ духовныхъ, чисто

человѣческихъ явленій, Ушинскій подраздѣляетъ эти явленія на слѣ-
дующіе виды: *даръ слова*, чувство *художественное*, чувство *нрав-
ственное*, чувство *религіозное*. Развитіе въ ребенкѣ каждаго изъ
этихъ «видовъ», т. е. приведеніе каждаго изъ нихъ въ состояніе
полнаго, яснаго самосознанія, и должно составлять задачу воспи-
танія, въ цѣломъ же—они должны дать воспитаніе *человѣка*.

Этотъ видъ воспитанія конечно не имѣетъ ничего общаго съ
выпускомъ въ жизнь просто офицеровъ, инженеровъ, сельскихъ
хозяевъ, учителей и проч., и проч. Въ каждомъ изъ нихъ чув-
ствуется въ большей или меньшей степени *спеціалистъ*, но слиш-
комъ мало «человѣка». Между тѣмъ должно быть наоборотъ: воспи-
таніе должно образовать, оформить прежде всего «человѣка»,—и
потомъ уже изъ него, какъ изъ личности развитой, нравственной,
непремѣнно выработается и соотвѣтствующій спеціалистъ, любящій
избранное имъ дѣло, преданный ему, тщательно изучающій его и потому
способный приносить наибольшую пользу въ избранной имъ сферѣ дѣя-
тельности, соотвѣтственно размѣрамъ своихъ природныхъ дарованій.

Такого именно воспитанія и добивался Ушинскій во всемъ, что
вышло изъ подъ его пера теоретическаго, а равно—и въ своей пе-
дагогической практикѣ. Особенно-же большую услугу оказалъ онъ
въ этомъ отношеніи своимъ послѣднимъ трудомъ—«Человѣкъ—
какъ предметъ воспитанія», разъяснивъ въ немъ основы, условія
и требованія истинно-*человѣчнаго* и *человѣческаго* воспитанія,
такъ чтобы не калѣчилась, не извращалась человѣческая природа,
а наоборотъ—получала-бы наибольшее развитіе, соотвѣтственно ин-
дивидуальнымъ особенностямъ каждаго.

Если Россіи суждено когда-нибудь дождаться университетской
каѳедры по педагогіи, то книга Ушинскаго «Человѣкъ—какъ пред-
метъ воспитанія», считая въ томъ числѣ и конспектъ третьяго ея
тома, является готовою программою для такой каѳедры. За отсут-
ствіемъ-же послѣдней, «Педагогическая антропологія» Ушинскаго
представляетъ собою единственную сокровищницу и руководитель-
ницу для всѣхъ, не желающихъ ощупью бродить въ сложномъ,
трудномъ и крайне отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія.

«Письма изъ Швейцаріи», выпускъ въ свѣтъ «Роднаго Слова»
и «Педагогической антропологіи»—все это доказываетъ, какую
дѣятельную жизнь велъ Ушинскій за-границей,—едва-ли даже не
болѣе труженическую, чѣмъ въ Россіи. Это было время наиболь-
шаго его умственнаго и нравственнаго возбужденія, наибольшаго
проявленія его творческой энергіи и силы.

Полный широкихъ замысловъ, подъ наплывомъ новыхъ и но
выхъ плановъ педагогическихъ работъ учебнаго и научнаго харак
тера, онъ переѣзжалъ за-границей изъ одной мѣстности въ другу
не въ поискахъ отдыха и празднаго развлеченія, а для изученія
школьнаго дѣла. Съ этой цѣлью, кромѣ Швейцаріи и Германіи
Ушинскій посѣщалъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ знаменитый
русскій педагогъ удостоился чести неоднократно бесѣдовать съ
Императрицей Маріей Александровной о разныхъ вопросахъ воспи
танія. О серьезномъ значеніи этихъ бесѣдъ можно судить уже по
тому, что Императрица поручила ему высказать свой взглядъ по
вопросу о воспитаніи Наслѣдника русскаго престола.

Ушинскій изложилъ свой взглядъ по этому предмету въ четы
рехъ довольно обширныхъ письмахъ, которыя благосклонно были
приняты Ея Величествомъ, встрѣтивъ съ ея стороны живое сочув
ствіе и одобреніе. Въ этихъ письмахъ указывалось между прочимъ
на особенную трудность въ воспитаніи будущаго монарха Россіи,
въ виду необычайной шаткости, неустойчивости тогдашняго рус
скаго общества, стоявшаго, такъ сказать, на рубежѣ между до
реформеннымъ порядкомъ и нарождавшимися великими внутрен
ними преобразованіями Россіи. Старое не вполнѣ еще умерло, новое
не успѣло окрѣпнуть, набраться, какъ слѣдуетъ, силы. Между
тѣмъ и другимъ порядкомъ велась упорная борьба, шелъ горячій
споръ, поселялись сомнѣнія, слышались упрямыя отрицанія. Ука
зывая на неблагопріятность и даже опасность для правительства
такихъ противоположныхъ общественныхъ теченій, Ушинскій на
ходилъ, что противовѣсомъ имъ должно служить какъ можно боль
шее укрѣпленіе въ умѣ и сердцѣ будущаго главы государства не
только собственно русскихъ, но и общеевропейскихъ государствен
ныхъ убѣжденій и взглядовъ.

VII.

Послѣдніе годы жизни.

Изъятіе «Дѣтскаго Міра» изъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Ушинскій, какъ полемикъ. — Переѣздъ въ Петербургъ; непосредственное вліяніе Ушинскаго на столичную педагогическую среду. — Ушинскій, какъ центръ тяготѣнія педагогической дѣятельности въ Россіи. — Столкновеніе на университетскомъ диспутѣ. — Пребываніе на югѣ Россіи и сближеніе съ народными учителями. — Послѣдній ударъ жизни.

Проживая съ семействомъ за-границей, Ушинскій почти ежегодно пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ своихъ изданій. Пріѣхавъ

въ 1866 году, онъ былъ пораженъ и тяжко оскорбленъ извѣстіемъ, что его книга для класснаго чтенія (т. е. «Дѣтскій Міръ и Хрестоматія») не допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ школахъ этого вѣдомства. Со времени выхода «Дѣтскаго Міра» прошло уже болѣе пяти лѣтъ; книга успѣла получить обширное распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ всевозможныхъ вѣдомствъ и стать необходимой классной книгой; наконецъ извѣстность и авторитетъ Ушинскаго, какъ педагога, казалось бы, должны были предоставлять надежную гарантію противъ «недопущенія» ея по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе «недопущеніе» было совершившимся фактомъ.

И—чрезвычайно характерный фактъ—въ 1866 году «Дѣтскій Міръ» подвергся остракизму по вѣдомству народнаго просвѣщенія именно за то, за что онъ, въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, заслужилъ особенное одобреніе. Тогда, т. е. при министрѣ Головнинѣ, составителю книги вмѣнена была въ особую заслугу прагматичность ея, богатство и разнообразіе статей по естествознанію, разумный подборъ ихъ, помогающій наглядному ознакомленію дѣтей съ предметами природы. Но спустя пять лѣтъ, т. е. при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Д. А. Толстомъ, тотъ же Ученый Комитетъ и, насколько извѣстно, даже то самое лицо, которое давало первый отзывъ о «Дѣтскомъ Мірѣ», на этотъ разъ истолковали обиліе статей по естествознанію въ смыслѣ развитія у дѣтей матеріализма, нигилизма ..

Ушинскій конечно нисколько не заблуждался, что въ этомъ гоненіи на его книгу повинна не сама по себѣ книга, оставшаяся одобренною учеными комитетами другихъ вѣдомствъ, а тотъ мелкій, ничтожный эпизодъ, который произошелъ около 16-ти лѣтъ тому назадъ, во время службы его въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, и возстановилъ противъ него графа Д. А. Толстого. Эпизодъ этотъ былъ чисто личнаго свойства, не имѣлъ никакого отношенія ни къ убѣжденіямъ Ушинскаго, ни тѣмъ болѣе къ его книгѣ для чтенія. Эта послѣдняя однако оставалась подъ остракизмомъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія не только во все время жизни Ушинскаго, но и спустя даже цѣлое десятилѣтіе послѣ его смерти. Только въ началѣ 80-хъ годовъ «Дѣтскій Міръ» вновь рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ этого вѣдомства, хотя конечно въ книгѣ этой не произошло никакихъ измѣненій.

Нравственное оскорбленіе, причиненное Ушинскому недопущеніемъ его книги для чтенія по вѣдомству народнаго просвѣщенія, было еще болѣе усилено случайнымъ совпаденіемъ этого факта съ выходомъ въ свѣтъ «Книги для первоначальнаго чтенія», составленной А. Филоновымъ и А. Радонежскимъ и появившейся въ Петербургѣ. Это изданьице болѣзненно отозвалось въ душѣ Ушинскаго, такъ какъ въ немъ чувствовалось отраженіе реакціи противъ всѣхъ новыхъ вѣяній въ русской жизни, и реакція эта явно уже начинала по немногу поднимать голову. Гг. Филоновъ и Радонежскій вздумали открыто пойти на перерѣзъ всѣмъ тѣмъ основамъ и принципамъ въ дѣлѣ начальнаго обученія и воспитанія, инпціаторомъ и насадителемъ которыхъ былъ Ушинскій. Жестоко же проучилъ онъ ихъ за эту продерзость!..

Ушинскій, нужно замѣтить, вообще былъ блестящимъ полемизаторомъ. Остроумный, находчивый, логичный, живой и точный въ выводахъ и положеніяхъ при устномъ и печатномъ спорѣ, онъ вполнѣ оправдывалъ названіе «ученаго бойца» («полемика»). Еще раньше онъ далъ превосходную отповѣдь на рецензію г. Толя, появившуюся въ журналѣ «Учитель», о его «Дѣтскомъ Мірѣ». Эта отповѣдь была чисто принципіальнаго свойства, такъ какъ въ ней Ушинскій отстаивалъ, развивалъ и разъяснялъ тѣ начала и принципы, которымъ должна удовлетворять книга для класснаго чтенія и противъ которыхъ рецензентъ его, г. Толь, дѣйствительно сильно погрѣшилъ въ предъявленныхъ имъ требованіяхъ «Дѣтскому Міру». Болѣе широкое поприще представляла для уясненія этихъ началъ и принциповъ книга гг. Филонова и Радонежскаго, такъ какъ въ ней они были не только забыты, но намѣренно поруганы, попраны.

Въ обширной статьѣ «Цвѣты московской педагогіи на петербургской почвѣ», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1866 году, Ушинскій, переходя отъ статьи къ статьѣ, разобралъ эту удивительную книгу, рѣшительно выходящую изъ ряда вонъ. Подлинныя цитаты изъ всѣхъ 6-ти отдѣловъ книги наглядно доказали несомнѣнную непригодность книги «для первоначальнаго чтенія», такъ какъ въ дѣтяхъ, едва овладѣвшихъ грамотою, предполагаются такія предварительныя познанія, какія только-только въ пору ученикамъ V-го класса гимназіи. Ничего не можетъ сдѣлать съ этою книгою и народный учитель даже при самомъ лучшемъ желаніи. Для прочтенія напримѣръ въ классѣ нѣсколькихъ статеекъ въ одну-двѣ страницы, ему пришлось бы употребить на предварительныя бесѣды съ учащимися цѣлые мѣсяцы, чтобы сообщить имъ все необходимое для пониманія той или другой статьи. А такъ какъ

акими именно статьями почти сплошь наполнены всѣ шесть отдѣ-
овъ книги, то, значитъ, въ народномъ учителѣ предполагается та-
ой запасъ знаній по Закону Божію, исторіи, географіи, естество-
анію и словесности, какими могутъ обладать лишь преподаватели
имназій по каждому изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности. Нако-
ецъ первый отдѣлъ книги (по Закону Божію) начинается отрыв-
ами изъ Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ.
чевидно, составители книги признавали необходимымъ начинать
чить дѣтей на церковно-славянскомъ языкѣ и потомъ уже пере-
одить къ русскому,—учить такъ, какъ учили въ старину, когда
инственными учебными книгами были «Часословъ» и «Псалтирь».

«Вся книга гг. Филонова и Радонежскаго есть одинъ большой
урьезъ,—говоритъ Ушинскій, послѣ длиннаго ряда фактическихъ
зобличеній нелѣпости въ ея составленіи:—но самое курьезное въ
ей—это появленіе ея въ свѣтъ. Оно—законное дитя тѣхъ педаго-
ическихъ мнѣній о дѣтскомъ обученіи, которыя проводились въ
Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Современной Лѣтописи» и въ
Русскомъ Вѣстникѣ», — законное, но не старшее. Первенцемъ
той новѣйшей московской педагогики явилась книга г. Н. Щер-
ины, одного изъ педагогическихъ дѣятелей «Русскаго Вѣстника».
. Щербина, писавшій прежде только стишки, вдругъ, вдохновлен-
ый московскою прессою, вообразилъ себя педагогомъ; сначала на-
исалъ громоносную статью противъ всякой раціональной педаго-
ики и противъ всякихъ народныхъ учителей-педагоговъ, и потомъ
ахотѣлъ показать на дѣлѣ, что можно всякому быть педагогомъ,
тоитъ только захотѣть: вооружился перомъ... нѣтъ, не перомъ, а
ожницами и, вырѣзывая листы изъ разныхъ старыхъ изданій,
реимущественно же куски изъ «Московскихъ Вѣдомостей», состав-
илъ «Пчелу, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія
ри народномъ обученіи», «Молодымъ людямъ на поученье, старымъ
юдямъ на послушанье». Но г. Щербина былъ все-таки поосторож-
ѣе и — какъ бы сказать?.. деликатнѣе своихъ петербургскихъ
одражателей... Не прибавь онъ въ своей книгѣ: «и для употреб-
енія при народномъ обученіи», для котораго она столько же годится,
колько и старыя «Московскія Вѣдомости», — мы бы и не упомя-
ули о ней въ этой статьѣ. Но петербургскіе педагоги, гг. Филоновъ
Радонежскій, подъ наитіемъ московской педагогической музы
ошли... гораздо дальше г. Щербины. Гг. Филоновъ и Радонежскій
оже принялись за ножницы; но ножницы ихъ работали гораздо бы-
рѣе, гораздо рѣшительнѣе и неразборчивѣе... и вотъ въ три-че-
ыре вечера (куй желѣзо, пока горячо!) появилась книга уже не

для народнаго, а прямо для «первоначальнаго» чтенія, т. е. дл
обученія чтенію. Этимъ, правда, они избѣгли ошибки г. Щербин
который полагаетъ, что сѣдовласый старецъ и восьмилѣтнее дит
(ученикъ народной школы) могутъ читать одно и то же съ одина
ковой пользою; но зато составили такую книгу *для первоначал
наго чтенія*, которую положительно полезнѣе будетъ замѣнит
чтеніемъ казенныхъ объявленій, издаваемыхъ при «Московских
Вѣдомостяхъ». Вотъ по какимъ причинамъ мы можемъ назвать книг
гг. Филонова и Радонежскаго *«цвѣткомъ московской педагогики
распустившимся на петербургской почвѣ»*.

Составители этого «цвѣтка» не только погрѣшили противъ основ
ныхъ педагогическихъ требованій, но даже и злоупотребили именам
митрополита Филарета, Карамзина, Ломоносова, архіепископа Иннок
кентія и другихъ достойныхъ русскихъ людей. Слишкомъ ужъ не
разборчиво работая ножницами, они преподносятъ для чтенія дѣ
тямъ, едва овладѣвшимъ азбукою, такія мудреныя выдержки из
произведеній этихъ русскихъ писателей и церковныхъ ораторовъ
усвоеніе которыхъ, рѣшительно превышая дѣтскія силы, могло б
внушить имъ даже ненависть и отвращеніе къ самымъ уважаемым
русскимъ людямъ. По этому поводу Ушинскій обращается къ соста
вителямъ книги съ слѣдующими горячими словами:

«Эхъ, гг. Филоновъ, Радонежскій и tutti quanti, не трогать б
вамъ лучше почтенныхъ именъ нашихъ великихъ людей! Карамзин
и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо вѣрили в
прогрессъ, трудились всю жизнь для народнаго образованія
прежде всего, были честные люди. Какъ глубоко огорчились бы он
если бы могли предвидѣть, что черезъ сто, полтораста лѣтъ посл
нихъ возможны будутъ такія патріотическія спекуляціи ихъ им
нами въ дѣлѣ воспитанія русскихъ дѣтей! Какъ бы глубоко огор
чились эти истинные патріоты — а не фальшивые, подкрашенны
размалеванные шуты въ патріотическихъ маскахъ—если бы могл
предвидѣть, что черезъ сто, полтораста лѣтъ послѣ нихъ въ рус
ской учебной литературѣ будутъ появляться такія книги, которы
даже гдѣ-нибудь на Отаитскихъ островахъ были бы нелѣпостью».

Разборъ Ушинскаго, можно сказать, въ лоскъ уложилъ эт
болѣе чѣмъ неудачную книгу, которая, несмотря даже на явны
усилія поддержать ее, не имѣла никакого успѣха. Ушинскій произ
велъ настолько сильное впечатлѣніе своимъ разборомъ, что отвѣт
на него со стороны г. Филонова, подъ заглавіемъ «Плоды педагоги
ческаго озлобленія», не былъ принятъ ни одною редакціею, и по
явился отдѣльною брошюрою. Но какой это удивительный отвѣт

езспльный отстоять свою книгу, г. Филоновъ просто написалъ до-осъ на книги Ушинскаго: «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово», об-иняя ихъ въ анти-религіозномъ направленіи. Ушинскій не удо-топлъ даже отвѣта эту очевидную для всѣхъ клевету... Разбирая нигу гг. Филонова и Радонежскаго, Ушинскій не имѣлъ въ виду ѣшительно никакихъ личныхъ счетовъ и цѣлей. Онъ желалъ олько разсѣять тотъ мракъ, тѣ допотопныя понятія въ отношеніи оспитанія, которыми московскіе журналисты все еще продолжали аводнять Россію, несмотря на болѣе чѣмъ десятилѣтній уже бла-оріятный поворотъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи—исклю-ительно подъ вліяніемъ Ушинскаго.

К. Д. Ушинскій тяготился продолжительною жизнью за-границей, е соотвѣтствовавшей ни его порывамъ работать на пользу русскаго кольнаго дѣла, ни его взглядамъ на воспитаніе подраставшихъ воихъ дѣтей, которыхъ онъ желалъ учить непремѣнно въ Россіи, ъ кругу русскихъ дѣтей, считая безусловно вреднымъ исключи-ельное заграничное воспитаніе. Поэтому, почувствовавъ возста-овленіе своихъ силъ, онъ немедленно перебрался съ семьею въ етербургъ, въ 1867 году.

Здѣсь съ какою-то лихорадочною торопливостью предался онъ нучей, разнообразной дѣятельности. Обрабатывая «Педагогическую нтропологію», занимаясь подготовленіемъ третьяго года «Родного лова», онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченъ и мыслью о примѣне-и въ Россіи всѣхъ тѣхъ новыхъ для нея педагогическихъ началъ, оторыя выработалъ за-границей путемъ продолжительнаго наблю-енія, большой научной подготовки и размышленія. Съ этой цѣлью нъ сталъ дѣятельно посѣщать петербургское педагогическое обще-тво (при второй гимназіи). Внося собственные рефераты, при-имая участіе въ обсужденіи рефератовъ другихъ членовъ, онъ медленно выдвинулся, какъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ и вторитетныхъ членовъ общества и сталъ душою его. Довольно вялая, зличная прежде дѣятельность педагогическаго общества сильно живилась. И это было очень важно, такъ какъ пора стояла горя-ая. Нарождались народныя школы и учительскія семинаріи; только го складывалась жизнь женскихъ гимназій; назрѣвала реформа редпихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемая нынѣшняя клас-ическая система образованія. На все это горячо и дѣльно стало зываться столичное педагогическое общество, если не всегда по ичному почину Ушинскаго, то обязательно при энергическомъ его частіи и руководствѣ. Именно благодаря главнымъ образомъ ему,

ни одинъ изъ возбуждавшихся въ педагогическомъ обществѣ вопр
совъ не снимался съ очереди, пока не былъ исчерпанъ, какъ гов
рится, до дна. Въ этомъ отношеніи Ушинскій — этотъ «ходяч
педагогическій архивъ», «багажъ педагогической мудрости», как
его называли сочлены общества, былъ неоцѣнимъ, незамѣнимъ

Серьезное, умѣлое и чуткое отношеніе педагогическаго обще
ства къ вопросамъ и явленіямъ школьной жизни снискало ему бол
шое сочувствіе образованной части населенія, какъ въ столицѣ, так
и въ провинціи. Собранія общества посѣщались такою массою от
борной образованной публики, что громадный залъ второй гимназі
гдѣ происходили засѣданія, не всегда вмѣщалъ собравшихся. В
педагогическихъ журналахъ обязательно помѣщались рефераты
вносимые въ собраніе; тамъ же печатались и подробные отчет
о преніяхъ, происходившихъ въ собраніяхъ (въ формѣ стенограмм
или точнаго пересказа). Это давало возможность общей печати
читающей публикѣ правильно орієнтироваться относительно взгл
довъ и заключеній кружка компетентныхъ людей по спеціальным
педагогическимъ вопросамъ, что, въ свою очередь, способствова
опредѣленности, устойчивости общественныхъ воззрѣній на школьн
дѣло вообще.

Благодаря почину Ушинскаго, отдавшаго на гласный, открыты
судъ педагогическаго общества свои учебныя и научныя сочинені
вошло въ обычай, что почти не оставалось ни одного вновь появля
шагося педагогическаго сочиненія, которое бы не проходило чере
горнило критики педагогическаго общества. Тутъ сообща устано
лялась гласная, безпристрастная оцѣнка каждому изъ нихъ. Въ этом
отношеніи особенно много помогалъ Ушинскій, зорко слѣдившій
всѣмъ, что появлялось въ нашей педагогической литературѣ. Он
же главнымъ образомъ ввелъ въ обычай сообщать съ критическ
оцѣнкой обо всемъ, что появлялось выдающагося въ заграничн
педагогической литературѣ, за которой также внимательно слѣдил

Гласная критика всего, что появлялось въ нашей педагогическ
литературѣ, была очень полезна уже въ томъ отношеніи, что
значительной мѣрѣ предотвращала одобреніе къ употребленію таки
руководствъ, которыя не удовлетворяютъ своему назначенію. Кро
того эта критика имѣла еще и другое, болѣе существенное, знач
піе. При оцѣнкѣ каждаго руководства или учебнаго пособія, всест
ронне обсуждались также программа, планъ, методъ изложенія
пріемъ преподаванія каждаго предмета, въ связи съ особенностя
того рода заведеній, для которыхъ предназначается данное соч
неніе. Такое обсужденіе конечно вызывало оживленный обмѣ

мнѣній и способствовало самому детальному выясненію дѣла, такъ что не оставалось мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ выводомъ.

Въ виду этого, можно безъ преувеличенія сказать, что столичное педагогическое общество имѣло значеніе обще-русской педагогической школы. Вліяніе его дѣйствительно распространялось на всю Россію. Число провинціальныхъ членовъ возростало изъ года въ годъ. Каждый изъ нихъ непринужденно обращался въ общество со всѣми своими вопросами и сомнѣніями. Пріѣзжая въ Петербургъ, провинціальные члены являлись въ собраніе, знакомились и приходили въ сношеніе съ тѣми изъ членовъ, которые представляли для нихъ наибольшій интересъ по роду ихъ спеціальности.

Какое громадное и благотворное вліяніе имѣло въ это время педагогическое общество, душою и вдохновителемъ котораго былъ главнымъ образомъ Ушинскій, можно видѣть между прочимъ изъ того, что самыя дѣльныя руководства и учебныя пособія по всѣмъ предметамъ учебнаго курса появлялись въ свѣтъ или въ концѣ 60-хъ годовъ (съ 1867 по 1870 г.), когда Ушинскій принималъ непосредственное участіе въ обществѣ, или въ началѣ 70-хъ годовъ, когда были свѣжи еще великія традиціи Ушинскаго въ русской педагогической средѣ. Если вы дадите себѣ трудъ перечислить всѣ наиболѣе извѣстныя и уважаемыя нынѣшнія педагогическія силы,— они окажутся состоящими почти поголовно изъ тѣхъ лицъ, которыя или только-что начинали пріобрѣтать нѣкоторую педагогическую извѣстность, или впервые выступали на педагогическое поприще въ исходѣ 60-хъ годовъ. И память не подсказываетъ намъ между ними ни одного сколько-нибудь выдающагося педагога, который не былъ-бы сочленомъ общества, не принималъ бы участія въ его великой самодѣятельной работѣ, имѣвшей такое громадное воспитательное значеніе для всей обширной русской педагогической семьи. То, что творилось въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, разносилось по всей Россіи, вдохновляло провинціальныхъ ея работниковъ и руководило ими. Благодаря этому руководящему центру, они чувствовали общность и цѣльность педагогическихъ интересовъ. Это поддерживало въ нихъ интересъ къ педагогическому труду, увлекало высокою идейною стороною этой трудной дѣятельности.

Не занимая никакого оффиціальнаго педагогическаго положенія, Ушинскій тѣмъ не менѣе, черезъ посредство педагогическаго общества, сталъ центромъ тяготѣнія всей педагогической дѣятельности въ Россіи. Строго говоря, это—самая кипучая, бурная и производительная пора въ жизни Ушинскаго, когда педагогическій автори-

тетъ его достигъ наивысшей силы. Къ этому времени относится самая обширная переписка Ушинскаго и съ иностранными педагогами, и съ земствами, и съ отдѣльными русскими педагогическими дѣятелями, работавшими въ провинціи главнымъ образомъ по начальному образованію.

Такъ напримѣръ, баронъ М. О. Косинскій, бывшій директоромъ одной изъ первыхъ земскихъ учительскихъ семинарій, въ Новгородѣ, находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Ушинскимъ, пользуясь его совѣтами и указаніями при организаціи новаго у насъ дѣла. Очень дѣятельную переписку велъ Ушинскій съ барономъ Н. А. Корфомъ, работавшимъ тогда въ Екатеринославской губерніи по народному образованію. Ушинскаго очень живо интересовало нарождавшееся у насъ въ то время народное образованіе, главнымъ же образомъ отношеніе къ нему самаго крестьянства и земства. Съ восторгомъ привѣтствовалъ онъ сознательное отношеніе крестьянъ къ потребности образованія для ихъ дѣтей, видя въ этомъ лучшій залогъ для разумной и прочной постановки начальнаго образованія и успѣшнаго его развитія, соотвѣтственно потребностямъ мѣстной жизни. Вотъ что, напримѣръ, говорилъ онъ въ своей статьѣ «О возникновеніи нашихъ народныхъ школъ», помѣщенной въ «Народной Школѣ», Ѳ. Н. Мѣдникова, въ 1870 году:

«...Наша народная школа, какъ ни слабы еще до сихъ поръ ея начатки, уже дѣйствительно начинается у насъ, и начинается *самымъ естественнымъ образомъ*, изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для жизни и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, какую они сами вели. Какъ ни просто и какъ ни естественно такое начало народной школы, но оно не такъ обыкновенно, какъ можетъ показаться, и необыкновенно именно потому, что слишкомъ просто и естественно. Человѣкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ на прямой путь; по большей же части онъ долго колеситъ вокругъ и около, прежде чѣмъ придетъ къ тому, что просто и естественно. Страннымъ можетъ показаться, если мы скажемъ, что наша только что зарождающаяся народная школа стоитъ на той прямой дорогѣ, къ которой едва въ самое послѣднее время начинаетъ приближаться народное образованіе въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, далеко обогнавшихъ насъ въ этомъ дѣлѣ, но между тѣмъ это дѣйствительно такъ.»

Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго и плодотворнаго развитія народнаго образованія, Ушинскій энергически ратовалъ въ пользу возможно большей свободы въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ органовъ обще

венпаго управленія, такъ чтобы «какъ администрація, такъ и
сшіе слои общества сохранили за собою право содѣйствовать этому
му только убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и наконецъ
теріальною и интеллектуальною помощью, но никакъ не принужде-
емъ, запрещеніемъ, регламентаціею и тому подобными мѣрами,
торыя были у насъ прежде въ такомъ ходу и которыя здѣсь, въ
омъ чисто семейномъ дѣлѣ народа, не должны имѣть никакого
ста... Если мы оставимъ за собою одну вспомоществующую дѣя-
льность, то и тогда поле этой дѣятельности будетъ безконечно
омадно, такъ громадно, что для полной обработки его не хватитъ,
жетъ быть, ни нашихъ финансовыхъ, ни нашихъ административ-
хъ средствъ.»

Короче говоря, Ушинскій добивался, чтобы все дѣло народнаго
разованія, во всей его организаціи, создалось и развивалось не-
мѣнно на почвѣ народнаго самосознанія, такъ какъ только при
омъ условіи образованіе получаетъ въ глазахъ населенія наи-
ьшее значеніе и пріобрѣтаетъ особенно благотворное воспита-
льное вліяніе на массу. Въ чемъ именно должна была состоять
«вспомоществующая дѣятельность», куда и какъ ее направить
просвѣтленія сознанія массы населенія,—Ушинскій обѣщалъ
говорить въ «особыхъ статьяхъ». Но судьбѣ угодно было рас-
ядиться иначе: цитированная нами статья была послѣднею
тьею Ушинскаго.

Какъ ни разнообразна была педагогическая дѣятельность Ушин-
аго—кабинетная, журнальная, въ педагогическомъ обществѣ, въ
посредственныхъ сношеніяхъ съ педагогами, лично или пись-
нно,—она не поглощала еще всей его энергіи. Въ немъ не умерла
е жилка ученаго, и онъ любилъ посѣщать университетскіе дис-
ты. Его живо интересовала философія, исторія, естествовѣдѣніе,
бенно же успѣхи въ области анатоміи, гистологіи и физіологіи
овѣка. Но въ немъ продолжалъ жить также интересъ къ юриди-
кимъ наукамъ и тѣмъ болѣе къ политической экономіи. Не да-
е какъ въ 1867 году онъ помѣстилъ въ «Голосѣ» прекрасную
тью «О голодѣ въ Россіи», въ которой чувствуется недюжинный
ономистъ, глубоко понимавшій въ ту пору интересы народной
зни и корни экономическаго благосостоянія государства.

Высоко цѣня науку, Ушинскій, присутствуя на университет-
ихъ диспутахъ, не стѣснялся говорить горькую правду и назы-
ть вещи дѣйствительными именами, если ему казалось, что до-
ающійся ученой степени не имѣетъ соотвѣтствующаго этому

научнаго ценза. Тутъ у него иногда происходили довольно горяч
стычки съ патентованными учеными, причемъ нѣкоторые изъ них
очень косо смотрѣли на вторженіе Ушинскаго въ ученую област
хотя диспуты—публичный ученый турниръ, на которомъ кажды
имѣлъ право слова. Вотъ на одномъ изъ диспутовъ у него вышл
весьма непріятное столкновеніе.

Профессоръ Владиславлевъ (бывшій нѣсколько лѣтъ тому на
задъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета, нынѣ умершій
защищалъ свою диссертацію о философіи Плотина. Ушинскій, при
сутствовавшій на диспутѣ, также желалъ высказать свои замѣча
нія. Ему пришлось говорить вторымъ послѣ оффиціальныхъ оппо
нентовъ, т. е. послѣднимъ. Когда онъ всталъ и направился къ том
мѣсту, гдѣ засѣдалъ совѣтъ историко-филологическаго факультета
намѣреваясь говорить, на встрѣчу ему поспѣшилъ предсѣдатель со
вѣта, т. е. деканъ факультета, г. Срезневскій. Показывая сво
карманные часы, деканъ рѣзко добавилъ, что не можетъ позволит
говорить ему болѣе пяти минутъ. Это поразило присутствовавших
и они зашикали. Ушинскій же, поклонившись декану, отвѣтил
«это—самая лучшая защита для докторанта»,—и вышелъ из
аудиторіи. Вслѣдъ за нимъ направилась и почти вся присутство
вавшая публика, выражая ему горячее сочувствіе. Профессоръ О.
Миллеръ тутъ же заявилъ протестъ противъ поведенія декана, н
это не помѣшало благополучному окончанію докторскаго диспута

Это столкновеніе вызвало цѣлую бурю негодованія въ печат
противъ самоуправства декана. Ушинскій же напечаталъ свои за
мѣчанія на диссертацію Владиславлева въ «С.-Петербургскихъ В
домостяхъ», Корша,—и это была поистинѣ пророческая оцѣнк
Владиславлева, какъ ученаго.

Для характеристики разносторонности занятій Ушинскаго в
эту пору, надо добавить еще, что онъ постоянно слѣдилъ за ходом
занятій своихъ дѣтей и руководилъ ихъ ученіемъ. Третій напри
мѣръ годъ «Родного Слова», отъ перваго урока до послѣдняго
былъ проштудированъ г. А. Фролковымъ съ двумя младшими
сыновьями Ушинскаго, подъ непосредственнымъ его руководством
«Самъ-же онъ,—какъ говоритъ г. Фролковъ,—не могъ давать уро
ковъ, и особенно своимъ дѣтямъ. Малѣйшее затрудненіе учащихся
малѣйшая ошибка съ ихъ стороны сильно раздражали его, и он
уходилъ, не окончивъ урока».

Ушинскій, какъ натура цѣльная, недопускавшій разлада межд
словомъ и дѣломъ, ставя семью однимъ изъ главнѣйшихъ факторов

оспитанія, самъ былъ идеально-хорошимъ семьяниномъ, горячо юбимымъ всѣми членами семьи, отъ мала до велика. Тѣ немногіе асы досуга, которые ему удавалось проводить въ кругу семьи, онъ азывалъ самыми пріятными въ его жизни.

Положеніе Ушинскаго въ это время можно бы назвать завиднымъ. Не занимая никакого оффиціальнаго поста, онъ былъ видимъ и слышимъ на всю Россію,—для всѣхъ лицъ, сколько нибудь интересующихся педагогическими вопросами. Матеріальное положеніе его ыло въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря необычайному спросу на сѣ его изданія. Ни отъ кого не зависимый, совершенно самостоятельный въ выборѣ занятій и въ распоряженіи своимъ временемъ, онъ могъ бы назвать себя даже счастливымъ; но, къ сожалѣнію, для того ему недоставало самаго главнаго—здоровья.

Вся жизнь его была исполнена разумной борьбы; вся его дѣятельность была употреблена на прокладываніе самостоятельныхъ утей. Такая трудная работа даромъ не дается,—и за успѣхъ пришлось заплатить здоровьемъ. Охваченный лихорадочною жаждою ѣятельности, онъ сдѣлалъ большую ошибку, засидѣвшись въ Петербургѣ съ 1867 до весны 1870 года, такъ какъ надорванная грудь его е выносила сырой петербургской осени и весны. Весною 1870 года онъ чувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ наконецъ тправиться за-границу, намѣреваясь проѣхать прямо въ Италію. Но ъ Вѣнѣ онъ окончательно расхворался и пролежалъ около двухъ недѣль. Мѣстныя медицинскія знаменитости посовѣтовали ему возвратиться въ Россію, ѣхать прямо въ Крымъ и лечиться кумысомъ.

Такъ онъ и сдѣлалъ, поселившись недалеко отъ Бахчисарая, въ имѣніи г. Варле, гдѣ было кумысо-лечебное заведеніе. Втеченіи мѣсяца силы его настолько возстановились, что онъ задумалъ подробно ознакомиться съ Крымомъ. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Сюда онъ случайно прибылъ въ самый разгаръ съѣзда народныхъ учителей и былъ принятъ симферопольскимъ обществомъ съ такимъ почетомъ, который превосходилъ даже самыя смѣлыя его ожиданія. Ученіе въ народныхъ училищахъ было уже окончено, и Ушинскій, по предложенію мѣстнаго директора народныхъ училищъ, г. Сонча, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Бахчисарай, чтобы познакомиться съ татарскою школою (медресе), главнымъ образомъ—съ новымъ отдѣленіемъ ея—для обученія учениковъ медресе русскому языку. Здѣсь ему впервые пришлось видѣть на дѣлѣ практическое примѣненіе въ школѣ своего «Роднаго Слова» и притомъ вполнѣ удачное. Взрослые ученики-татары, въ возрастѣ 20—35 лѣтъ, съ удовольствіемъ заяв-

ляли Ушинскому, что русское чтеніе и письмо дается имъ несравнен легче татарскаго; что въ библіотекѣ каждаго изъ нихъ обязательн есть первый годъ «Родного Слова», на ряду съ кораномъ и семь толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

По возвращеніи изъ Бахчисарая, Ушинскій неоднократно посѣ щалъ учительскій съѣздъ, принимая дѣятельное участіе въ его пре ніяхъ. Тутъ онъ проявилъ свое обаяніе, какъ педагога-руководителя умѣющаго передать въ немногомъ многое, умно, авторитетно и до казательно поправить и направить другихъ,—и положительно оча ровалъ присутствовавшихъ на съѣздѣ.

Когда стало извѣстно о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферо поля, не только участвовавшіе въ съѣздѣ, но и нѣкоторые изъ го рожанъ, поклонниковъ и почитателей его педагогическаго талант и трудовъ явились къ нему въ гостиницу, чтобы проститься проводить его. Растроганный такимъ вниманіемъ, Ушинскій вмѣст съ тѣмъ въ простой задушевной прощальной бесѣдѣ съ собравши мися еще разъ убѣдился, что кабинетные педагогическіе труды е нашли уже хорошее примѣненіе въ жизни. Обрадованный этимъ онъ далъ горячее обѣщаніе присутствовавшимъ посвятить послѣ дующую свою жизнь исключительно на пользу нарождавшагося у насъ народнаго образованія и выразилъ желаніе передѣлать сво «Родное Слово» спеціально для народной школы. Многіе изъ народ ныхъ учителей и нѣкоторые изъ постороннихъ провожали его з нѣсколько верстъ отъ Симферополя.

Много энергіи прибавило Ушинскому это искреннее, безхитрост ное, безкорыстное выраженіе труженниками народнаго образованія уваженія и благодарности за педагогическіе его труды. Въ горя чей душѣ его загорѣлись планы новыхъ педагогическихъ трудовъ Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ около этого времени одному изъ близкихъ друзей своихъ въ Петербургѣ: «Написать книгу для на родной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но, ка жется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «Антропологію», и потомъ только я сколько-нибудь при мѣню «Родное Слово» къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окон чаніе «Родного Слова». Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего досаднѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежняго здоровья,—и я бы, кажется, все кончилъ».

Судьба послала ему даже и нѣкоторое улучшеніе здоровья. Про ѣхавъ изъ Симферополя въ Ялту и проживши здѣсь нѣсколько не дѣль, онъ почувствовалъ значительное возстановленіе силъ. Встрѣ-

вшись въ Ялтѣ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ принялся горячо
бѣждать его—взять на себя исполненіе той части третьяго года
Родного Слова», которая посвящена исторіи, т. е. иначе—напи-
ать отечественную исторію для дѣтей. По мнѣнію Ушинскаго, этотъ
удъ наиболѣе подходилъ Костомарову, какъ великому мастеру по-
уляризировать историческія событія. Доводы были настолько убѣ-
ительны, что Костомаровъ далъ свое согласіе въ принципѣ. Это
ень обрадовало Ушинскаго, такъ какъ онъ вѣрилъ теперь въ осу-
ествленіе своего «Родного Слова» въ той программѣ, какъ оно
ыло задумано и изложено во II-ой части его «Руководства къ пре-
одаванію по «Родному Слову».

Полный самыхъ лучшихъ надеждъ, бодрый духомъ и тѣломъ,
окидалъ онъ Крымъ въ концѣ іюля 1870 года, въ разсчетѣ на
корый возвратъ туда со всѣмъ своимъ семействомъ. Прекрасное
ліяніе Крыма на состояніе здоровья заставило его приторговать
ебольшое помѣстье по сосѣдству съ Ялтой, для постояннаго житья.

Съ такими разсчетами и планами торопился онъ къ семьѣ, ожи-
авшей его въ имѣніи Богданкѣ, Черниговской губерніи, Новгород-
ѣверскаго уѣзда. Было и особое обстоятельство, торопившее его
озвратъ къ семьѣ. Старшій сынъ его, Павелъ, только-что окончивъ
урсъ во второй с.-петербургской военной гимназіи, былъ назна-
енъ къ поступленію въ одно изъ высшихъ военныхъ учебныхъ
аведеній и проводилъ лѣто съ семьею, въ деревнѣ. Юноша былъ
рекрасно развитъ физически, умственно и нравственно, блестяще
ился и вообще подавалъ большія надежды. Отецъ очень любилъ
го, видѣлъ въ немъ опору семьи, въ случаѣ своей смерти—и это
ачительно ободряло его. Но онъ пріѣхалъ въ свою Богданку какъ
азъ въ день похоронъ сына, по печальности смертельно ранив-
аго себя на охотѣ...

Это былъ слишкомъ ужъ жестокій ударъ, окончательно подло-
ившій физическія и душевныя силы только что вернувшагося
омой отца. Оставаясь спокойнымъ по наружности, Ушинскій весь
шелъ въ себя, избѣгая даже разговоровъ со знакомыми. Чувствуя,
то силы покидаютъ его, онъ очень сокрушался объ участи мало-
ѣтнихъ своихъ дѣтей.

Осенью того же года онъ перевезъ семью въ Кіевъ, гдѣ помѣ-
ілъ двухъ своихъ дочерей въ институтъ. Но жизнь въ Кіевѣ
трашно тяготила его. «Хорошо-ли мнѣ въ Кіевѣ?—писалъ онъ въ
твѣтъ на письмо одного изъ петербургскихъ своихъ друзей.—Увы,
е хорошо. Душитъ глушью—и ничего близкаго сердцу; но думаю,

что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ же ду
мать нечего—моя пѣсня, кажется, окончательно уже спѣта».

Доктора въ это время усиленно торопили его въ Крымъ, куд
онъ и сталъ собираться, но на этотъ разъ крайне неохотно. Въ эт
время до него дошелъ слухъ, что симферопольская учебная адми
нистрація получила строгое замѣчаніе и внушеніе за тотъ почетъ
который былъ оказанъ ему, главнымъ же образомъ—за допущени
его къ участію въ съѣздѣ учителей. Это было послѣднею каплей
горечи, переполнившею его душу и отравившею тѣ воспоминанія
надежды, которыя у него связаны были съ Крымомъ. Онъ рвался
въ Петербургъ, въ кругъ близкихъ друзей, которые могли бы его
поддержать,—ему нужно было ощущеніе жизни.

«Худъ-ли, хорошъ-ли Петербургъ,—писалъ онъ въ это время
одному изъ наиболѣе близкихъ друзей своихъ, Я. П. Пугачевскому,—
но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существен
ная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости
много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ-ж
составилъ состояніе; тамъ напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учител
и бесѣдовалъ съ Царями; тамъ былъ невѣдомъ ни одной душѣ
тамъ пріобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь честное—и вотъ почему слез
навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ
что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его».

Къ несчастію, предчувствіе это сбылось...

VIII.

Смерть и громкая слава.

Кончина Ушинскаго.—У гроба и могилы его.—Чествованіе памяти Ушинскаг
повсемѣстно въ Россіи.—Имя Ушинскаго—какъ имя народное.—Тайна за
мѣчательнаго успѣха Ушинскаго.—Вина русскаго общества передъ памятью
Ушинскаго.—Предстоящее двадцатипятплѣтіе со дня его смерти.

Крайне неохотно отправился Ушинскій въ Крымъ съ двумя
своими младшими сыновьями. Въ дорогѣ онъ простудился, и, по при
бытіи въ Одессу, у него открылось воспаленіе легкихъ. Онъ не
медленно выписалъ изъ Кіева остальную свою семью, вполнѣ созна
вая, что пришелъ его конецъ.

21 декабря 1870 года, часа за четыре до смерти, онъ почув
ствовалъ сильное облегченіе и выразилъ прежде всего желані

дѣться во все чистое. Находясь прежде въ сидячемъ положеніи, ожелалъ лечь въ постель и попросилъ, чтобы какъ можно ярче свѣтили комнату. Когда это было исполнено, пожелалъ выслушать теніе «Ундины» Жуковскаго. По окончаніи чтенія, онъ позвалъ ъ себѣ всѣхъ дѣтей и, по обыкновенію, помолился вмѣстѣ съ ними. тпустивъ дѣтей, успулъ... на вѣки, тихо, безъ агоніи, въ полномъ ознаніи.

Такъ преждевременно оборвалась эта плодотворная, труженическая жизнь, всего на 47 году отъ рожденія, когда педагогическій алантъ его вполнѣ окрѣпъ и окончательно установился, когда душа го была переполнена прекрасными, широкими замыслами о добалепіи новаго и новаго къ тому, что было уже сдѣлано имъ, на ользу разумной русской школы, русскихъ педагоговъ, русскихъ женщинъ и всѣхъ вообще дѣтей разныхъ сословій, классовъ и состояній.

Такова ужъ судьба всѣхъ вообще даровитыхъ русскихъ людей, то, опережая общество, имъ приходится брать съ бою каждый свой спѣхъ въ жизни. Особенно тяжела и даже рискована участь акихъ новаторовъ, какъ Ушинскій, которымъ приходится изо-дня въ день, такъ сказать, *перегорать* душою, такъ какъ на ихъ пути преграды и препятствія являются буквально на каждомъ шагу. Тутъ труднѣе, чѣмъ во всякой другой области, идти неуклонно по разъ избранной дорогѣ, не потерять любви и вѣры въ дѣло, не озлобиться, не разочароваться.

Серьезно вникая въ обстоятельства и условія педагогической дѣятельности Ушинскаго, нельзя не признать, что они мало чѣмъ отличаются въ сущности отъ тѣхъ условій, при которыхъ работалъ замѣчательный предшественникъ его, Е. О. Гугель, бывшій инспекторомъ Гатчинскаго института, кончившій такъ печально свою жизнь. И если Ушинскій добился успѣха, то это стоило ему чуть не половины вѣка, на который онъ могъ разсчитывать по своей замѣчательно воздержной, аккуратной жизни.

Это надо бы помнить и знать русскимъ людямъ, чтобы достойно цѣнить заслуги своихъ великихъ работниковъ.

Въ Одессѣ, гдѣ умеръ Ушинскій, у него не было буквально ни одной души знакомой; но за то его, если не лично, то по трудамъ и дѣятельности, хорошо зналъ весь одесскій педагогическій міръ, вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась вѣсть о смерти Ушинскаго, какъ около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и дѣтей покойнаго окружили самыми нѣж-

ными заботами, совершенно освободивъ ихъ отъ всякихъ хлопот по отпѣванію и перевозкѣ тѣла въ Кіевъ, въ Выдубицкій монастыр для погребенія. Это вниманіе разноплеменной, разноязычной Одессы города, можно сказать, космополитическаго, очень выразительн охарактеризовано въ рѣчи, сказанной въ одесскомъ каѳедральном соборѣ профессоромъ богословія, протоіереемъ М. Павловскимъ, пр выносѣ тѣла покойнаго на станцію желѣзной дороги, для отправ ленія въ Кіевъ.

«Вотъ тотъ гробъ, передъ которымъ съ любовію преклонятся съ благодарностью помолятся многіе и многіе въ Россіи,—говорил о. М. Павловскій:—преклонится и помолится дитя и возрастный ученикъ и учитель, мать и ея дѣти, начинающій изучать велико дѣло воспитанія и глубоко изучившій множество системъ воспита нія. Вотъ тотъ труженикъ, котораго такъ долго ждали русска школа и семья, который книгами своими облегчилъ и сдѣлалъ из горькаго сладкимъ ученіе для дитяти и для его учителя; которы связалъ матерей съ ихъ дѣтьми крѣпкими и святыми узами воспи танія; который прочиталъ незабвенные уроки обученія и воспитані всѣмъ воспитывающимъ и пишущимъ о воспитаніи. Вотъ тотъ дин ный знакомецъ, котораго, никогда не видавши, знаешь, чтишь любишь,—знаешь по его книгамъ, наполнившимъ училища и семьи чтишь за тѣ разнообразные таланты, которыми такъ щедро награж денъ былъ и изъ которыхъ ни одного не скрылъ онъ въ землѣ; з тѣ многостороннія и глубокія познанія, которыя черпалъ онъ из себя самого, изъ своей природы и изъ образованныхъ странъ Ев ропы; любишь за ту всегда живую любовь и за то неустанное тер пѣніе, съ которыми онъ одинаково писалъ и азбуку для дѣтей, глубокое по взглядамъ и многостороннее по познаніямъ сочинені свое о человѣкѣ, какъ предметѣ воспитанія;—любишь за ту новост взгляда на воспитаніе, истинность котораго почувствовали всѣ, когд прочли, по которую высказалъ онъ первый,—ту новость, чт «чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которых трудится воспитатель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогиче скихъ познаній». Любишь его за его «Дѣтскій Міръ», въ которо онъ такъ легко и такъ увлекательно знакомитъ дѣтей съ ними са мими и съ окружающею природою;—за его «Родное Слово», по ко торому русскія дѣти начали изучать и съ любовью изучаютъ родну русскую жизнь во всемъ богатствѣ русскаго языка и во всемъ раз нообразіи народныхъ поэтическихъ формъ. Вотъ почему и въ на шей разноплеменной и разноязычной Одессѣ, въ которой Прови дѣніе указало кончину незабвенному Ушинскому, его гробъ окру

жается такою искреннею любовью и молитвой: цѣну воспитателю русскихъ дѣтей и воспитателей—Одесса чувствуетъ если не болѣе, то ни въ какомъ случаѣ не менѣе другихъ городовъ Россіи. Съ миромъ и благословеніемъ отпускаемъ тебя въ путь твой, доблестный труженикъ, до конца жизни свято служившій святому дѣлу воспитанія».

Дѣйствительно, для разноплеменной и разноязычной Одессы фактъ очень знаменательный, что отпѣваніе Ушинскаго въ соборѣ и грандіозные проводы отъ собора до желѣзнодорожной станціи («Куликово поле») было дѣломъ народныхъ учителей, воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ и учащихся въ одесскихъ народныхъ школахъ. Это свидѣтельствовало о большомъ самосознаніи народныхъ педагоговъ. Какъ ни прискорбна была преждевременная кончина Ушинскаго, но чествованіе памяти его въ Одессѣ ясно доказывало, что труды его успѣли уже въ 1870 году принести большіе и осязательные результаты, вызвавъ значительный подъемъ духа въ средѣ народныхъ педагоговъ, осмысливъ ихъ задачи и цѣли, общественное положеніе и роль въ собственныхъ ихъ глазахъ. Это впрочемъ особенно ярко сказалось въ горячей рѣчи учителя одного изъ одесскихъ народныхъ училищъ, г. Росикова, произнесенной имъ на станціи желѣзной дороги, при разставаніи съ тѣломъ Ушинскаго. Вотъ что между прочимъ говорилъ г. Росиковъ:

«Замолчите всѣ, считающіе дѣло начальнаго воспитанія дѣломъ маловажнымъ, дѣломъ, нестоющимъ серьезнаго вниманія; замолчите и проникнитесь глубокимъ уваженіемъ къ дѣлу воспитанія, ибо есть люди, полагающіе жизнь свою за это дѣло. Вотъ гробъ человѣка, который всю жизнь свою принесъ на пользу своихъ соотечественниковъ. Вотъ останки труженика, предпринявшаго громадный трудъ: собрать мнѣнія о воспитаніи, высказанныя великими мыслителями впродолженіи многихъ вѣковъ и изъ этихъ разнорѣчивыхъ теорій и философскихъ взглядовъ выработать послѣднее слово науки о воспитаніи духовной и физической природы человѣка, составить руководство, необходимое для всѣхъ, кто посвятилъ себя воспитанію русскаго юношества. Этимъ трудомъ онъ желалъ положить конецъ тому жалкому обученію и воспитанію, какому подвергаются дѣти въ школахъ, руководимыхъ непризванными и неподготовленными педагогами»...

«Горе наше велико. На долю нашу выпалъ жребій не привѣтствовать, но провожать въ невозвратный путь всѣми нами любимаго ученаго. Вспомнимъ же, на прощаньи съ гробомъ симъ, и сохранимъ въ сердцахъ нашихъ все то, что говорилъ и завѣщалъ намъ по-

чившій въ этомъ гробѣ. Онъ говорилъ: «Неправильное воспитаніе тяжело отзывается во всей жизни человѣка, есть главная причина зла въ народѣ, и отвѣтственность за это падаетъ прямо на воспитателей». Онъ говорилъ, что для разумнаго воспитанія недостаточно одного терпѣнія и любви къ дѣтямъ, но необходимо при этомъ изучить и знать ихъ природу. Воспитаніе дѣтей онъ считалъ великимъ, святымъ дѣломъ и требовалъ, чтобы къ нему относились серьезно. Онъ сказалъ: «Преступникъ, убійца тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его».

«Пусть же, сотоварищи, гробъ этотъ пробудитъ въ насъ сознаніе святости долга, которому мы служимъ; пусть онъ напомнитъ намъ, что на поприщѣ воспитанія мы должны имѣть цѣлью—благо ближняго. Дадимъ обѣщаніе глубже ознакомиться съ мыслями этого благонамѣреннаго и честнаго труженика. И если каждый изъ насъ сдѣлаетъ хоть сотую долю того, что сдѣлалъ онъ, то уже много сдѣлаетъ. Прости-же, отецъ разумной русской школы, другъ дѣтей и славный педагогъ. Вѣчная память тебѣ, дѣлавшему дѣло для дѣла и трудившемуся для труда! Имя твое будетъ жить въ сердцахъ нашихъ и въ сердцахъ дѣтей, для блага которыхъ ты не щадилъ своей жизни».

Такая же дружная педагогическая семья, искренно проникнутая горемъ, собралась и въ Кіевѣ, для встрѣчи и погребенія останковъ Ушинскаго. Такою же неподдѣльною скорбью и задушевностью были проникнуты рѣчи, при опусканіи гроба его въ могилу.

Но не Одесса только и Кіевъ чествовали скончавшагося Ушинскаго: заглянувъ въ столичныя и провинціальныя газеты за первые мѣсяцы 1871 года, не трудно убѣдиться, что въ этой скорби принимала участіе вся мыслящая часть Россіи. Интеллигентная часть губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городовъ, принадлежащая и не принадлежащая къ педагогической средѣ, по собственному почину служила панихиды по Ушинскомъ. Особенно сильно чувствовали эту утрату учебныя заведенія, спеціально занимающіяся приготовленіемъ учителей и очень ясно оттѣнившія въ своихъ чествованіяхъ памяти Ушинскаго, что они считаютъ его главнымъ своимъ учителемъ и руководителемъ. Наиболѣе ярко освѣтилъ эту мысль законоучитель Кубанской учительской семинаріи, О. І. Стась, въ рѣчи, сказанной имъ 8 марта 1871 года, на панихидѣ по Ушинскомъ. Напомнивъ, что религія предписываетъ «поминать своихъ наставниковъ», законоучитель продолжалъ:

«Помня этотъ долгъ, мы, воспитатели ваши, пригласили васъ,

будущихъ учителей народа, помолиться вмѣстѣ съ нами о вѣчномъ упокоеніи души одного изъ величайшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскаго, недавно скончавшагося. Вамъ, начинающимъ только приготовляться къ дѣлу народнаго образованія, неизвѣстно, быть можетъ, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочиненіямъ; а эти сочиненія такого рода, безъ которыхъ вы шагу не можете сдѣлать въ народной школѣ, которыя переживутъ и насъ, и васъ, а быть можетъ, и внуковъ вашихъ. Когда вы изучите эти сочиненія, познакомитесь съ жизнью человѣка, трудившагося надъ ними, вы полюбите этого человѣка отъ всей души, отъ всего сердца, и не разъ, быть можетъ, поникните мыслью... не разъ призадумаетесь надъ судьбою русскаго педагога, русскаго просвѣщенія, русской мысли; не разъ вы увлечетесь мыслію этого человѣка, его духомъ».

Какъ ни выразительно, въ общемъ, это повсемѣстное чествованіе памяти Ушинскаго, но есть еще и нѣчто другое, ставящее Ушинскаго совершенно въ исключительное положеніе, въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ дѣятелей. Едва-ли найдется другой русскій дѣятель, смерть котораго почувствовалась бы такъ горячо и глубоко даже въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ, куда только судьба забросила развитого священника, образованнаго сельскаго учителя и образованную русскую женщину. Тамъ, въ этой дикой житейской глуши, свѣтъ и тепло таланта Ушинскаго особенно сильно чувствовались и наиболѣе цѣнились. И въ этихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, по поводу смерти Ушинскаго, не мало уронено горячихъ слезъ благодарности и за осушеніе безвинно лившихся прежде горькихъ дѣтскихъ слезъ, и за возвышеніе роли учителя, и за облагороженіе положенія женщины...

Тѣ обстоятельства, при которыхъ умеръ Ушинскій, т. е. оставаясь внѣ всякаго оффиціальнаго педагогическаго положенія, свободнымъ, независимымъ, способствовали еще большему возвышенію его нравственнной личности, закрѣпленію его ученія въ сознаніи общества и упроченію его славы.

Смерть его дала сильный толчокъ всему изданному имъ. Даже такой серьезный трудъ, какъ двухтомная «Педагогическая Антропологія», всего черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Ушинскаго, въ 1881 году, вышла уже *пятымъ* изданіемъ. Еще болѣе удивительно распространеніе его учебныхъ книгъ. Въ 1891 году, т. е. черезъ 30 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Дѣтскаго Міра», онъ вышелъ *двадцать седьмымъ* изданіемъ, т. е. почти по одному изданію въ годъ. Успѣхъ же «Родного Слова» по истинѣ поразителенъ,

даже безпримѣренъ на міровомъ книжномъ рынкѣ. Въ 1892 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Роднаго Слова», оно вышло *девяносто девятымъ* изданіемъ, т. е. почти по четыре изданія въ годъ.

Въ общей же сложности сочиненія Ушинскаго разошлись въ разныхъ классахъ и слояхъ русскаго населенія въ милліонахъ книгъ, изъ которыхъ громадное большинство приходится конечно на низшіе, бѣднѣйшіе слои населенія и притомъ исключительно—на школьный контингентъ.

Иначе говоря, это означаетъ, что на сочиненіяхъ Ушинскаго воспитался уже длинный рядъ школьныхъ поколѣній и въ томъ числѣ—цѣлый рядъ народныхъ учителей. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что имя Ушинскаго есть имя *народное*.

Такому распространенію сочиненій Ушинскаго, такой популярности его имени можно только радоваться. Онъ въ свое время заботливо искалъ «человѣка, на котораго съ гордостью можно бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безупречной дорогѣ котораго можно бы вести смѣло наши поколѣнія». Именно самъ Ушинскій является однимъ изъ такихъ людей, съ его чистою, идеально безупречною жизнью и славною дѣятельностью.

«Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ,—скажемъ мы словами Ушинскаго,—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Вся педагогическая дѣятельность Ушинскаго непрерывно продолжалась лишь около 15 лѣтъ (съ 1855 по 1870 г.). Изъ нихъ семь лѣтъ приходятся на собственно служебную дѣятельность (съ 1855 по 1862 г.) и остальныя восемь лѣтъ—на литературно-педагогическую дѣятельность. И въ этотъ-то незначительный промежутокъ времени онъ принесъ такую громадную пользу всему отечественному школьному дѣлу и на вѣчныя времена составилъ себѣ почетное имя.

Въ чемъ же тайна такого замѣчательнаго успѣха? Что придавало главнымъ образомъ вліяніе Ушинскому?

Примѣръ Ушинскаго прежде всего доказываетъ, какое обширное, разностороннее образованіе необходимо человѣку, желающему съ честью и славой подвизаться на педагогическомъ поприщѣ. Да кромѣ этого необходимы еще и высокія нравственныя качества, которыми несомнѣнно обладалъ Ушинскій. Это былъ идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было

компромиссами. Онъ признавалъ только то, слѣдовалъ только тому, что вполнѣ отвѣчало его идеаламъ, строго продуманнымъ и сросшимся съ его нравственнымъ *я*. Все же другое онъ рѣзко и рѣшительно отвергалъ, чего бы это ни стоило ему. Горячо любя отечество, желая ему лучшаго будущаго и понимая силу воспитанія не въ формальномъ, а въ нравственномъ его значеніи, онъ сконцентрировалъ всѣ свои идеалы и стремленія въ одну всеобъемлющую *педагогическую идею*, которою смѣло и удачно охватилъ семью и школу, малолѣтокъ и взрослыхъ, учащихъ и учащихся, условія и потребности первоначальнаго образованія и требованія воспитывающаго образованія вообще.

Вотъ между прочимъ какъ самъ писалъ Ушинскій объ этой его «педагогической идеѣ» и ея значеніи въ жизни. «У насъ—говоритъ онъ въ частномъ письмѣ—прежде всего не достаетъ *педагогической идеи*, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія; а плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ. Вѣковой традиціи, которая главнымъ образомъ ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на общественномъ сознаніи, также нѣтъ; а потому, безъ особыхъ университетскихъ каѳедръ антропологіи и даже особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой, рѣшительно невозможно образованіе у насъ, въ настоящее время, дѣйствительно хорошихъ учительскихъ семинарій, хотя и желательно пока, по крайней мѣрѣ, учрежденіе особыхъ школъ для дрессировки въ педагогической практикѣ,— ремеслѣ, въ сущности не питромъ. Этой философско-педагогической идеи наши университеты, какъ извѣстно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящаго времени; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ тоже мало дается матеріала для пытливой мысли и наклонности къ самостоятельному занятію науками гуманными, какъ литература, исторія и особенно философія».

Понимая всю неблагопріятность условій для педагогическихъ улучшеній, Ушинскій тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе прилагалъ всѣ свои усилія для проведенія въ жизнь основаній научной педагогіи разными путями—въ печати, педагогическомъ обществѣ и посредствомъ сочиненій. И, наперекоръ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, идея восторжествовала надъ вѣками сложившейся рутиной. Ушинскій былъ настолько счастливъ, что еще при жизни видѣлъ несомнѣнное торжество впервые насажденной имъ у насъ научной педагогіи надъ тупой, бездушной, механической выучкой

и выправкой, не могшей имѣть должнаго воспитательнаго вліянія. Его глубокая, непоколебимая вѣра въ силу и жизненность идеи оправдалась самымъ блистательнымъ образомъ.

Если оглянуться на всю нашу литературу, обнимающую кругъ элементарнаго образованія со времени смерти Ушинскаго, то во всѣхъ трудахъ нашихъ лучшихъ педагогическихъ писателей, въ составленіи учебныхъ пособій и руководствъ—ясно видно сильное вліяніе научной педагогіи, впервые насажденной у насъ Ушинскимъ. Несомнѣнно, это значительный успѣхъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ; но останавливаться на этомъ, ограничиваться только этимъ успѣхомъ—значитъ сдѣлать слишкомъ плохое употребленіе изъ того драгоцѣннаго наслѣдства, которое оставилъ намъ Ушинскій.

Тѣ основы научной педагогіи, надъ выработкою которыхъ трудился Ушинскій, имѣютъ отношеніе вовсе не къ одному только начальному образованію, а къ школьному дѣлу вообще,—ко всей государственной системѣ образованія подрастающихъ поколѣній обоихъ половъ. Если самъ Ушинскій, по спѣшности и новизнѣ дѣла народнаго образованія у насъ, старался примѣнить выработанныя имъ начала раціональной педагогіи прежде всего къ начальному образованію, то это еще ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, будто примѣненіе научной педагогіи должно ограничиться только этимъ.

Но, къ величайшему сожалѣнію, раціональныя педагогическія основанія почти не получили у насъ никакого распространенія на систему средняго образованія, остающагося, можно сказать, въ дореформенномъ состояніи. Родной языкъ не имѣетъ того почетнаго, главенствующаго значенія въ дѣлѣ воспитанія и обученія нашего юношества, какое принадлежитъ ему по праву. Это тѣмъ болѣе обидно, что идея о значеніи родного языка, высказанная въ Швеціи лѣтъ на 20 позже, чѣмъ у насъ Ушинскимъ, получила уже полное практическое примѣненіе во всѣхъ скандинавскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и начинаетъ вызывать подражаніе и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Составъ и объемъ программъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, распредѣленіе предметовъ по классамъ, планы, методы и пріемы преподаванія—все это, въ отдѣльности и совокупности, слишкомъ мало разсчитано на возбужденіе любознательности и пытливости учащихся, на ихъ самодѣятельность. Вслѣдствіе этого ученіе обращается въ трудъ подневольный и лишается того животворнаго, воспитательнаго значенія, которое оно можетъ и должно имѣть, при условіи той постановки, которая соотвѣтствовала бы основаніямъ и требованіямъ научной

педагогіи. Вотъ поэтому-то главнымъ образомъ, выпуская въ жизнь съ каждымъ годомъ все большее и большее количество спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, мы по прежнему ощущаемъ все тотъ же недостатокъ въ «людяхъ», какъ и въ ту пору, когда только-что выступилъ на педагогическое поприще Ушинскій,—ощущаемъ даже въ болѣе острой формѣ, чѣмъ тогда, потому что теперь сложнѣе и настойчивѣе потребности жизни.

Это—неизбѣжная кара за тяжкую вину всей мыслящей части русскаго общества передъ великою памятью Ушинскаго и его заслугами на пользу всего отечества. Съ тѣмъ богатымъ, незамѣнимымъ наслѣдіемъ, которое онъ создалъ цѣною собственной жизни на пользу родины, мы поступили, въ сущности, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», зарывъ его въ землю.

Если сравнить то время, когда умеръ Ушинскій, съ нынѣшнимъ, мы будемъ поражены необычайнымъ застоемъ во всей педагогической области. Ни одной свѣжей мысли, ни одного живого слова. Если что и подвернется подъ руку по части общепедагогическихъ вопросовъ,—такъ это, въ сущности, пересказъ того, что было дано Ушинскимъ, въ большинствѣ случаевъ даже плохой пересказъ, съ переиначиваніями, на почвѣ узко-учебной техники, а не на физико-психологическихъ основаніяхъ. Самая роль педагоговъ совершенно стушевалась въ глазахъ общества.

Мы имѣемъ дѣло съ той самой «педагогической летаргіей», на борьбу съ которой такъ мужественно выступилъ Ушинскій во второй половинѣ 50-хъ годовъ, не переставая будить и педагоговъ, и общество до конца своей жизни. Повтореніе же этой летаргіи служитъ доказательствомъ, что Ушинскій былъ у насъ не только первымъ, но и единственнымъ представителемъ научной педагогіи. Онъ вдохнулъ было живую душу въ наше рутинное школьное дѣло и указалъ ему надежный путь къ славному и безконечному развитію и усовершенствованію на пользу общую. Но не нашлось достойныхъ продолжателей, и дѣло разностороннихъ улучшеній въ учебно-воспитательной области ждетъ своей очереди.

Симптомъ весьма опасный. Ушинскій говорилъ и писалъ, что «каждая школа, каждый педагогъ неизбѣжно выполняетъ одну изъ двухъ функцій: или они готовятъ счастье своей странѣ, или несчастье». Вѣрная и мудрая формула эта невольно заставляетъ призадуматься.

Если мы на протяженіи почти четверти вѣка уже со времени смерти Ушинскаго все еще не имѣемъ достойныхъ продолжателей великой творческой его педагогической дѣятельности, то это слу-

житъ лишь наглядным ъ доказательством ъ вѣрности высказаннаго имъ положенія, что «плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочных ъ основаніяхъ науки только въ университетахъ». Положеніе это никѣмъ никогда не оспаривалось. Втеченіи перваго десятилѣтія со времени смерти Ушинскаго объ этомъ положеніи его довольно часто вспоминали въ печати, но потомъ какъ бы совсѣмъ забыли. Нынѣшній застой во всей вообще педагогической области самъ собою указываетъ на настоятельную необходимость помощи со стороны университетовъ педагогическому дѣлу,—на необходимость учрежденія «особых ъ университетских ъ каѳедръ антропологіи» и «особых ъ педагогических ъ факультетовъ съ философской подкладкой».

Возникновеніе такихъ каѳедръ и факультетовъ было бы достойною данью уваженія къ памяти Ушинскаго, въ виду истеченія 21 декабря 1895 года ровно четверти вѣка со дня его кончины. Если при жизни Ушинскаго такъ сильно ощущалась необходимость въ этихъ учрежденіяхъ, то конечно же втеченіи четвертивѣковой давности она могла только возрости. Дѣйствительно, по всѣмъ условіямъ внутренней нашей жизни, внѣ учрежденія университетских ъ каѳедръ и факультетовъ по педагогикѣ, невозможно положить предѣла произволу и ремесленничеству въ области воспитанія и обученія.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, мы имѣемъ университетскія каѳедры даже по сельскому хозяйству и географіи. Тѣмъ болѣе, значитъ, основаній не откладывать учрежденія каѳедръ по педагогикѣ, согласно завѣту Ушинскаго.

КОНЕЦЪ.

Въ Книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, д. № 2.

Продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Актеа. Повѣсть изъ древней Греческой и Римской жизни, *Е Сысоевой.* Съ 2-мя рисунками. Изданіе 2-е, исправленное. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкор. переплетѣ съ золот. 1 руб. Допущена *Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.* въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Вороненокъ. Разсказъ въ стихахъ, *В. Буша.* Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 75 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Въ тихомъ омутѣ. Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ Н. И. Наумова (Автора книги «Сила солому ломитъ»). Ц. 2 р. 50 к.

Двѣ собачки. Разсказъ въ стихахъ, *В. Буша.* Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 75 к., въ коленкоров. переплетѣ 1 р. 25 к.

До разсвѣта. Разсказы изъ дѣтской жизни, *Казиной.* Ц. 1 р.

Дѣтскій сборникъ. Разсказы для дѣтей, съ рисунками. Сост. В. Сорокинъ. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 75 к. въ красив. папкѣ 1 р., въ коленкор. переплетѣ съ золот. 1 р. 35 к.—Первое изданіе значится въ каталогѣ книгъ, *одобрен. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ библіотекъ.

Дѣтскія сказки. Разсказалъ *В. П. Авенаріусъ.* Новое, дополненное изданіе, съ рисунками Н. Н. Каразина и др. Въ это изданіе вошли выбранныя наиболѣе удачныя простонародныя и иностранныя сказки изъ прежняго изданія «**Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ**», а также «**Сказка о Муравьѣ-Богатырѣ**», «**Что комната говоритъ**» и «**Сказка о Пчелѣ Мохнаткѣ**». Послѣднія двѣ удостоены каждая первой преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества.—Ц. въ бумажкѣ 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 2 р.—*Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.* для ученическ. библіот. младшаго возраста средн. учебн. завед. и городскихъ училищъ. *Учебн. Ком.* вѣдомства Императрицы Маріи допущены для пріобрѣтенія въ библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ училищъ вѣдомства.

Дѣтямъ старшаго возраста. Сборникъ разсказовъ, *Елизав. Фридрихсъ.* Съ рис. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 50 к. Допущ. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученическія библіот. среднихъ учебн. завед.

Жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя Міра. Настольная книга для семьи и школы **Роскошное изданіе, украшенное 84 картинами и 106 другими рисунками.** Сост. по Евангелію *Ѳ. Пуцыковичъ.* Изд. 3-е, исправленное. Ц. 60 к., въ колен. перепл. 1 р., тоже съ золот. 1 р 35 к. Во 2-мъ изданіи *Одобр. Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ для народн. чтенія и Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для библіот. всѣхъ народн. училищъ.

Изъ жизни растеній. Состав. по Вагнеру и др. *Вал. Висковатовъ.*

Съ рисунками. Ц. 1 р., въ переплетѣ съ золот. 1 р. 50 к.

Иллюстрированные Библейскіе разсказы для народнаго чтенія. Состав. *Ѳ. Пуцыковичъ*: **Сотвореніе міра.** 6 к. **Праотцы-Патріархы,** 10 к. **Іосифъ Прекрасный,** 7 к. **Моисей,** 10 к. **Самсонъ,** 5 к. **Соломонъ,** 7 к. **Іудиѳь,** 7 к. **Руѳь,** 5 к. **Іовъ,** 7 к. **Товитъ,** 6 к. **Есѳирь,** 6 к. **Іисусъ Навинъ,** 7 к **Древніе Пророки,** 10 к. *Одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для народнаго чтенія и Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для библіотекъ всѣхъ народныхъ училищъ.* **Новые Библейскіе разсказы.** Сост. *Ѳ. Пуцыковичъ:* **Гедеонъ и Іефѳай,** судьи израильскіе. Ц. 5 к. Пророкъ **Самуилъ,** Ц. 5 к. **Саулъ,** первый царь израильскій. Ц. 8 к. Царь и пророкъ **Давидъ-Псалмопѣвецъ.** Ц. 8 к. Пророкъ **Даніилъ.** Ц. 7 к. **Ездра и Неемія.** Ц. 6 к. **Іуда Маккавей.** Ц. 7 к.

Иллюстрированный сборникъ описаній интересныхъ явленій въ области природы, наукъ и искусствъ. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 60 к.

Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Маленькіе чистильщики улицъ. Разсказъ изъ книги „Дѣтскій Сборникъ". Сост. Сорокинъ. Ц. 10 к.

Молодильныя яблоки. Сказка-поэма *В. П. Авенаріуса.* Съ рисунками. Ц. 10 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки средн. и низшихъ классовъ средн. учебныхъ заведеній.

Муравей. Литературный сборникъ для дѣтей средн. и старшаго возраста Ц. 1 р. 50 к.

На память о Жоржъ-Зандъ. 2 разсказа для дѣтей: Говорящій дубъ и Грибуль. Съ портр. автора и картинами. Ц. 1 р.

Наслѣдникъ дяди Честертона. Романъ для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго *Н Азбелева.* Со множествомъ большихъ картинъ и рисун. Ц. 2 р въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к.

Наше житье. Разсказы для юношества. сост. В. Сорокинъ. Ц. 45 к. *Содержаніе:* Деревня.—Село.—Волость.—Станъ.—Уѣздъ.— Городъ.—Уѣздный городъ.—Губернія. — Губернскій городъ.—Дворянство. – Столица.—Государство.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Сост. *А. Коваленская.* Съ 10-ю отдѣльными большими картинами и др. рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ красив. папкѣ 2 р., въ переплетѣ съ золотомъ 2 р. 50 к.

Норвежскія сказки. 15 сказокъ Ц 1 р.

Обрусители. Романъ изъ общественной жизни западнаго края, Н. Ланской. Въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 1 р. 25 к

Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. *В. П. Авенаріуса.* Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

Отъ Рождества до Пасхи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Выпускъ I.—**На Рождество.** Съ рисунк. и портретами. Ц. 1 р. Вып. II.—**На Новый годъ.** Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. Оба выпуска въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. Допущены особымъ отдѣломъ *Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученич. библіотеки.

Очерки современнаго Египта. Передѣлано для юношества изъ романа Эдм. Абу: «Феллахъ Ахметъ», *С. Самойловичъ.* Ц. 1 р. 50 к. Значится въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ *среднихъ учебныхъ заведеній* вѣдомства *Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народн. школъ Герм. Вагнера. Перев *В. Висковатова.*

нижка 1. Изд. 7. съ рис. Ц. 1 р.; оже, Книжка 2. Изд. 5, съ карт. Ц. 1.; тоже. Книжка 3. Изд. 3, съ арт. Ц. 1 р. *Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для библ. при чальн. народн. училищ.

Полное собраніе сказокъ Андерена. Съ картинами, въ красивыхъ апкахъ: т. 1-й, переводъ *Петра Вейнберга*, изд. 6-е Ц. 1 р. 75 к. 2-й, перев. *Марка Вовчка*, издан. -е. Ц. 2 р.; т. 3-й, перев. *Майовой*, съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

«Послѣ труда». Литературный борникъ для дѣтей. Съ картин. Ц. р.

Разскажите мнѣ что-нибудь и окажите картинки. Сост. *В. Андреевская.* Со множест. рисунковъ. 1893 г. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., перепл. съ золот. 2 р.

Разсказы изъ исторіи и миѳологіи рековъ по Гомеру. Профессора Вильана, перев. *И. Виноградовъ.* Ц. 0 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено* для ученическихъ бліотекъ гимназій мужск. (младій возрастъ) и женск. (оба возраста) и вообще для среднихъ учебныхъ заведеній,

Разсказы и сказки для дѣтей. ст. *А. Коваленская.* Съ 6 отдѣльн. льшими силуэтами Е. Бемъ и др. ньетками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. к,, въ переплетѣ съ зол. 2 р. 75 к.

Разсказы о Петрѣ Великомъ. Съ сун. и портретомъ Петра Велиго. Сост. Сорокинъ. Изд. 2-е, исавленное. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к., коленкор. перепл. съ золот. 1 р.— *пущено Ученымъ Комит. Мин. Народн. Просв.* для ученическихъ бліотекъ народныхъ училищъ.

Сборникъ игръ для дѣтей, съ рисунками. Сост. Игнатовичъ. Изданіе 2-е, полненное. Ц. 1 р.

Святочные разсказы. И. Н. Позкова: I. Кичливая и счастливая, 10 к.; II. Безъ елки, Ц. 5 к. Ш. Мятель, Ц. 10 к.; IV. Святой Николай, Ц. 10 к.; V. Малышъ, Ц. 5 к.; VI. Изъ милаго далека, Ц. 20 к.; VII. Происшествіе. Ц. 10 к.

Святыя мѣста земли Русской. **Соловецкій монастырь.** *С. Максимова.* Съ рисунками. Изданіе 4-е. Ц. 10 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.* для ученическ. библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Семь новыхъ сказокъ. Сост. *А. Коваленская.* Съ отдѣльными картинами и друг. рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Сказка о Муравьѣ-Богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. *В. П. Авенаріуса.* Съ рис. Н. Каразина. Новое 3-е изд. Ц 50 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 том. Ц. 12 р.

Сочиненія Д. И. Стахѣева: 1). Домашній очагъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. 2) Законный бракъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 80 к. 3) Походы на доходы, повѣсть. Издан. 2-е. Ц. 60 к.

Что окружаетъ насъ? Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста. Сост. *Ф. Резенеръ*, издан. 2-е, значительно дополнен., большой томъ убористой печати, 613 стр. Ц. 2 р., въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к. Допущено *Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія* въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Школьный Шекспиръ. Біографія Шекспира. Гамлетъ, принцъ Датскій Критическія статьи Бѣлинскаго и Тургенева о Гамлетѣ. Съ портретомъ Шекспира и 9 другими рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р., въ коленкор. перепл. съ золот. 1 р. 60 к.

Книги, составленныя А. Н. Острогорскимъ:

Въ своемъ кругу. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, исправл., съ рисунк. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 2 р. *Одобрено Ученымъ Ком Мин. Нар. Просвѣщенія.*

Дѣтскій альманахъ. Сборникъ разсказовъ. Изд. 3-е, исправл., съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ колен перепл. съ зол. 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.*

На Досугѣ. Этюды по естествознанію. Съ рисунк. Изд. 2-е Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

По бѣлу-свѣту. Сборникъ разсказовъ. Изд. 3-е, исправ., съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ колеик. перепл. съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Среди природы. Съ рисунками. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкоров. переплетѣ съ золотомъ 2 р.

У рабочихъ людей. Сборникъ разсказовъ. Изд. 2-е, исправ., съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія.*

Отдѣл. выпуски разсказовъ изъ трехъ книгъ:

Альпійская горная область, разсказъ. Ц. 10 к. **Восхожденіе Соссюра на Монбланъ,** разсказъ. Ц. 10 к. **Листокъ бумаги и старыя книги,** два разсказа. Ц. 10 к. **Безпокойная ночь,** разсказъ. Ц. 10 к. **Георгъ Краббъ,** англійскій поэтъ. Ц. 10 к. **Прерванная вечеринка,** разсказъ. Ц. 10 к. **Дробинка,** разсказъ. Ц. 10 к. **Рыбы,** два разсказа. Ц. 10 к. **Рыбаки на Волгѣ,** три разсказа. Ц. 10 к. **Друзья и враги сельскаго хозяина,** разсказъ. Ц. 10 к. **Польза приученія животныхъ,** разсказъ. Ц. 10 к. **Первобытные лѣса,** разсказъ. Ц. 10 к.

Иллюстрированные романы Вальтера Скотта, ВЪ ПОЛНОМЪ ПЕРЕВОДѢ:

Томъ I. Вэверлей; т. II. Гай Маннерингъ; т. III. Антикварій; т. IV. Робъ-Рой; т. V. Айвенго; т. VI. Ламермурская невѣста; т. VII. Кенильвортъ; т. VIII. Пуритане; т. IX. Эдинбургская темница, или сердце средняго Лотіана. **т. X. Монастырь;** Въ каждомъ томѣ болѣе **500** стр., съ 2 карт. и около **50** полит. Каждый томъ продается отдѣльно по 3 р. 50 к. **Тоже т. XI. Аббатъ.** Съ двумя карт. и 37-ю политип. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Незабвенный русскій критикъ Бѣлинскій сказалъ о романахъ Вальтера Скотта слѣдующія слова, и донынѣ не теряющія своего значенія: «Вальтеръ Скоттъ равно увлекателенъ и назидателенъ. Чтеніе его романовъ проливаетъ въ душу какое-то доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткое, успокоительное чувство· очаровывая фантазію, оно образуетъ сердце и развиваетъ умъ, потому, что поэзія В. Скотта не эксцентрическая, не мечтательная и не болѣзненная... Для молодыхъ людей особенно полезны романы В. Скотта; увлекая ихъ въ міръ поэзіи, они не только не отвлекаютъ ихъ отъ науки, но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи безплодно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1892 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч. 39.